

60
75176.
НОЯБРЬ.

1902.

Русское Богатство 1902

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клебукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1902.

Мой собесѣдникъ разсмѣялся.

— Вы не знаете швейцарцевъ. Двадцать лѣтъ пришлось работать, пока добились этого объединенія, но разъ оно состоялось—кончено! Теперь каждый грютліанецъ чувствуетъ себя больше членомъ партіи, чѣмъ грютліанцемъ.

— Мнѣ еще показалось немного страннымъ, что у васъ на конгрессѣ не выступали принципиальные вопросы, которые такъ волнуютъ теперь другія партіи въ Европѣ. Неужели у васъ такое единодушіе?

Президентъ не сразу мнѣ отвѣтилъ.

— Полнаго единодушія и у насъ, конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но нѣтъ и раскола. Преобладающимъ направленіемъ является у насъ бернштейніанство—и съ этимъ приходится мириться. Что подѣлаете! Страна наша—крестьянская, а крестьяне практики. Намъ приходится работать помаленьку, у земли. Къ тому же, при нашихъ учрежденіяхъ, при той широкой политической свободѣ, которою мы пользуемся, иная дѣятельность и невозможна...

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ предо мною выступилъ опять-таки узкій практикъ швейцарецъ, который дальше своего носа ничего не видитъ...

С. Ан—скій.

Хроника внутренней жизни.

I. О знакахъ препинанія, жизненныхъ явленіяхъ и законности.—II. По поводу юбилея печати.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—III. Изъ дѣятельности комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.—IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія.

I.

Среди мелкихъ разсказовъ Чехова есть, между прочимъ, одинъ, въ которомъ повѣствуется о коллежскомъ секретарѣ Ефимѣ Перекладинѣ, страдавшемъ изъ-за знаковъ препинанія. Бѣда коллежскаго секретаря заключалась не въ отсутствіи знакомства съ этими знаками. Напротивъ, онъ болѣе или менѣе зналъ, когда какіе знаки слѣдуетъ ставить, но за сорокъ лѣтъ служебной дѣятельности ни разу не могъ примѣнить на дѣлѣ свое знакомство съ восклицательнымъ знакомъ и на сорокъ первый годъ это обстоятельство жестоко огорчило его. „Сорокъ лѣтъ писалъ и ни разу восклицательнаго знака не поставилъ“,—въ смущеніи восклицалъ коллежскій секретарь по собственному адресу.

Современный русскій писатель нерѣдко переживаетъ положеніе, довольно близкое къ тому, въ какое попалъ этотъ герой Чеховскаго разсказа. Разница только въ томъ, что коллежскій секретарь Ефимъ Перекладинъ скорбѣлъ о невозможности поставить въ бумагахъ восклицательный знакъ, а русскій писатель нашего времени, давно забывъ думать о восклицательныхъ знакахъ, начинаетъ все безнадежно вздыхать о двоеточіи. И опять-таки въ теоріи писатель хорошо знаетъ, что такое двоеточіе и вѣдь оно употребляется. Знаетъ онъ и то, что литература, назначеніемъ которой является разъясненіе смысла и взаимной зависимости жизненныхъ явленій, не должна и не можетъ существовать безъ двоеточія. Но все это теорія. А практика жизни неуклонно и настойчиво приучаетъ писателя обходиться ~~безъ~~ двоеточія. Человѣкъ слабъ и потому неудивительно, что писатель все еще уклоняется отъ тѣхъ послѣдствій, какія должно повлечь за собою для литературы исчезновеніе двоеточій. Преслѣдуя эту цѣль, современный писатель порою даже готовъ уподобиться тому мнѣическому корректору, который въ случаяхъ затрудненій ставилъ „маленькую запятую“, и въ свою очередь прибѣгнуть къ своего рода маленькимъ двоеточіямъ. Но и эта уловка рѣдко даетъ благоприятные результаты. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ подмѣнѣ настоящаго знака препинанія маленькимъ не очень много смысла, суровая практика жизни въ большинствѣ случаевъ такъ же безпощадно уничтожаетъ маленькое двоеточіе, какъ и настоящее. При такихъ условіяхъ писателю остается, кажется, отказаться отъ употребленія двоеточія и довольствоваться указаніемъ на отдѣльные явленія жизни, не посылая ни на разъясненіе ихъ, ни на установленіе между ними причинной связи.

Такія указанія явятся, конечно, довольно своеобразной литературой, но при извѣстныхъ условіяхъ и они могутъ имѣть нѣкоторый смыслъ, не вполнѣ утрачивая его даже и въ томъ случаѣ, когда указываемыя жизненные явленія не отличаются крупными размѣрами. Недаромъ у насъ одно время существовала цѣлая группа писателей, главною задачею своей дѣятельности ставившихъ отысканіе и указываніе маленькихъ отрадныхъ явленій. Названные писатели, несомнѣнно, были правы, утверждая, что и мелкіе факты могутъ быть характерными для жизни. Въ своихъ оптимистическихъ разсужденіяхъ эти писатели допускали лишь одну ошибку, забывая подсчитать, какія явленія занимаютъ въ жизни болѣе видное мѣсто, — тѣ ли отрадные факты, которые они признавали характерными, или же другіе, прямо противоположные первымъ по своему значенію. Но статистика, какъ извѣстно, вообще признается занятіемъ мало полезнымъ, а при иныхъ обстоятельствахъ даже и вреднымъ. Въ виду этого и мы оставимъ въ сторонѣ всякіе статистическіе расчеты и ограни-

чимся простымъ указаніемъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ различныхъ областей нашей общественной жизни, напередъ отказываясь отъ всякаго разъясненія этихъ фактовъ, выходящаго за предѣлы чистого фактическихъ же сопоставленій.

Не такъ давно едва ли не всѣ столичные и провинціальные газеты обошло любопытное „разъясненіе“, напечатанное первоначально въ „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. „Съ дозволенія нижегородскаго преосвященнаго Назарія, пожелавшаго узнать степень вредности представленій фокусника Роберта Ленца,—говорится въ этомъ „разъясненіи“—я принялъ на себя трудъ присутствовать 12 мая на представленіи его въ Николаевскомъ театрѣ. Я несомнѣнно убѣжденъ, что безъ содѣйствія нечистой силы (злыхъ духовъ) Р. Ленцъ не обходится. Это видно („нѣтъ ничего тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ“, очевиднымъ) изъ того, что въ своихъ крикливыхъ афишахъ, уснащенныхъ самымъ безцеремоннымъ самохвалствомъ, Р. Ленцъ совершенно откровенно изобразилъ около себя чорта со всеми его аксесуарами: когтями, хвостомъ, рожками, во всей его чернотѣ. Бѣсъ на афишѣ изображенъ въ подобострастномъ положеніи, пресмыкающимся у ногъ Ленца и благоговѣнно взирающимъ на величественную фигуру Ленца. Вся фигура Ленца на афишѣ запечатлѣна житейскою гордостью и надменностью, а на гордыхъ людей злые духи готовы смотрѣть, какъ на своихъ господъ, или, лучше сказать, показываютъ видъ (дьяволъ видъ „отецъ лжи“ и всякаго притворства), что смотрять, какъ на господъ, ибо на самомъ дѣлѣ гордые люди—жалкіе рабы духовъ нечистыхъ. Самая, слѣдовательно, афиша Ленца и тонъ этой афиши (тонъ самохвальства и самовозвеличиванія) говоритъ ясно, что онъ фокусничаетъ съ помощью силы нечистой, съ помощью злыхъ духовъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы на афишѣ изображать чорта во всемъ его безобразіи, еслибы Ленцъ не былъ съ нимъ въ нѣтимнѣйшемъ общеніи? Какими средствами вступаетъ Ленцъ въ общеніе съ дьяволомъ и бѣсами, я не знаю, но утверждаю, что фокусы свои онъ производитъ съ помощью бѣсовъ“ *).

Нѣкоторые органы нашей прессы неустанно и горько жалуются на наблюдаемое ими исчезновеніе вѣры въ чудеса и вообще на чрезмѣрное распространеніе просвѣщенія. Только что приведенный документъ достаточно убѣдительно показываетъ, что такіа жалобы во всякомъ случаѣ нѣсколько преждевременны и преувеличены.

Въ той же самой части нашей печати, которая высказываетъ подобныя жалобы, раздаются за послѣднее время упорныя сѣтованія на недостаточность контроля за проникновеніемъ книги въ русскую деревню. Факты однако же и въ этомъ случаѣ гово-

*) Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 20 окт. 1902 г.

рять нѣсколько иное. Немногимъ болѣе мѣсяца тому назадъ газеты передавали любопытный эпизодъ, разыгравшійся въ м. Лоевъ Минской губерніи. „Мѣстный маленькій чиновникъ“ увидаль у одного изъ мѣстныхъ же крестьянъ учебникъ алгебры и, увидавъ, счелъ нужнымъ „немедленно донести своему начальству, что у крестьянина Н. имъ найдена книга, полная вольнодумія“. Правда, съ прїѣздомъ высшаго чина недоразумѣніе благополучно разъяснилось и дало даже пищу обывательскому остроумію. „Бѣднаго маленькаго чина—прибавляла впервые сообщившая объ этомъ событіи газета *) — иначе теперь никто и не называетъ, какъ „алгебра“. Въ свою очередь, газеты передавали всю эту исторію, какъ смѣшной курьезъ, и въ качествѣ такового она попала даже на столбцы „Гражданина“. По существу, однако же, рассказанная исторія едва-ли является особенно смѣшною и во всякомъ случаѣ комическій элементъ далеко не преобладаетъ въ ней. Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только мысленно поставить себя въ положеніе того крестьянина, у котораго найденъ былъ злосчастный учебникъ алгебры. Положимъ, недоразумѣніе съ алгеброй разрѣшилось благополучно, но вѣдь завтра „маленькій чиновникъ“ можетъ увидать у того же крестьянина учебникъ астрономіи, а то и книжку о корнеплодахъ. Какъ онъ поступитъ въ этомъ случаѣ? Отвѣтить на этотъ вопросъ тѣмъ легче, что рассказанная исторія не содержитъ въ себѣ ничего исключительнаго или случайнаго. „Маленькій чиновникъ“ не обязанъ быть знакомымъ съ алгеброй, астрономіей и корнеплодами, и, разъ ему вмѣняется въ обязанность собственными усиліями разыскивать „неподлежащее къ крестьянскому обиходу“ во всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою книгахъ, совершенно естественно, что онъ найдетъ это подлежащее прежде всего въ непонятныхъ для него алгебрѣ, астрономіи, корнеплодахъ и во многомъ еще другомъ. Въ дѣйствительности, такіе казусы и совершаются не только въ Минской губерніи и не только маленькими чиновниками. Года два тому назадъ намъ привелось упомянуть о томъ, какъ въ одной изъ сельскихъ бібліотекъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи, становой приставъ счелъ нужнымъ отобрать и запечатать нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ бібліотекѣ и допущенныхъ въ нее соотвѣтствующимъ начальствомъ **). Подобные факты не разъ повторялись и въ послѣдніе мѣсяцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саратовской губерніи, какъ сообщалось уже въ одной изъ нашихъ хроникъ за текущій годъ, мѣстная губернская администрація признала нужнымъ пересмотрѣть имѣвшіяся на дому у крестьянъ книги и въ

*) «Минскій Листокъ». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 23 сентября 1902 г.

**) «Р. Богатство», 1900 г., № 9, «Хроника внутр. жизни», стр. 214.

результатъ такого пересмотра большинство этихъ книгъ было ею признано „по содержанію своему совершенно не подходящими въ умственному кругозору крестьянина“ *). Въ свою очередь, въ Уфимской губерніи недавно, при составленіи такъ называемыхъ Павленковскихъ библіотекъ, губернской администраціей были вычеркнуты изъ списковъ этихъ библіотекъ извѣстные изданія М. Н. Слѣпцовой („Книжка за книжкой“), прошедшія, помимо общей цензуры, еще и спеціальную цензуру Ученаго Комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Трудно сказать, на какомъ юридическомъ основаніи держится подобный порядокъ, такъ какъ законъ не знаетъ какихъ-либо спеціальныхъ обязанностей чиновъ губернской администраціи по цензурованію книгъ для крестьянскаго населенія, какъ не опредѣляетъ и условій, при которыхъ разрѣшенная цензурой книга можетъ быть признана администраціей неподходящей и потому запретной для крестьянина. Но если трудно найти юридическое основаніе для такого порядка, то тѣмъ легче предвидѣть нѣкоторыя практическія послѣдствія, вытекающія изъ него. Въ самыхъ разнообразныхъ углахъ Россіи ведутся въ настоящее время громкіе и настойчивые разговоры о необходимости расширенія народнаго образованія, какъ перваго шага къ поднятію народнаго благосостоянія. Но врядъ-ли можно серьезно думать о дѣйствительномъ распространеніи образованія въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока практика жизни ставитъ на пути этого образованія непредусмотрѣнныя никакимъ закономъ преграды и пока признается нужнымъ усиленно вѣдрять въ среду нерѣдко темнаго еще деревенскаго населенія взглядъ на книгу, какъ на что-то, таящее въ себѣ спеціальную опасность для крестьянина или, по меньшей мѣрѣ, непристойное для него.

На мысли о значеніи закона и законности наводятъ, впрочемъ, не только тѣ эпизоды родной дѣйствительности, которые соприкасаются съ областью народнаго образованія. Между прочимъ, сибирскія газеты за послѣднія недѣли принесли съ собою рядъ фактовъ, которые всего точнѣе можно было бы опредѣлить, какъ загадочныя картинки съ подписью: гдѣ же законъ? Владивостокскому окружному суду, рассказываетъ „Дальній Востокъ“, — въ скоромъ времени „предстоитъ разрѣшить очень интересный вопросъ: что представляетъ собою Харбинъ? есть-ли это частновладельческое помѣстье, изъ котораго хозяинъ можетъ по произволу удалять всякаго, не угодившаго ему, или это — городъ, въ которомъ должны дѣйствовать обще-имперскіе законы и порядки?“ Такой вопросъ возникъ на слѣдующей почвѣ. „Администрація Восточно-Китайской желѣзной дороги не разъ уже выдворяла изъ Харбина по своему усмотрѣнію и безъ всякихъ законныхъ

*) «Р. Богатство», 1902 г., № 9, «Хроника внутр. жизни», стр. 182.
№ 11. Отдѣлъ II.

поводовъ отдѣльныхъ лицъ. Случалось, что выдворялись люди, успѣвшіе прочно укорениться въ Харбинѣ, завести себѣ тамъ значительное имущество, дѣла, личные связи и пр.“ Теперь же „одинъ изъ такихъ выдворенныхъ предъявилъ къ дорогѣ искъ, который перешелъ въ апелляціонномъ порядкѣ въ окружный судъ“ *). Не менѣе патріархальные нравы, чѣмъ въ Харбинѣ, царятъ, по разсказу „Восточнаго Вѣстника“, на станціи Омосо Уссурійской желѣзной дороги. 1-го сентября текущаго года на этой станціи „нѣкто г. А., представляющій мѣстное начальство“, безъ всякаго повода избилъ и подвергъ суточному аресту слесаря и проводника вагоновъ названной дороги, Григорія Лукашева. На заявленіе послѣдняго объ этомъ начальникъ главныхъ мастерскихъ, инженеръ Шпаковский, сдѣлалъ, по сообщенію газеты, слѣдующую надписъ, адресованную на имя начальника тяги Уссурійской желѣзной дороги: „настоящее заявленіе Лукашева имѣю честь представить съ просьбой ходатайствовать объ огражденіи хотя бы служащихъ Уссурійской желѣзной дороги отъ столь дикаго самоуправства“ **). Объ огражденіи отъ „дикаго самоуправства“ на линіи Уссурійской дороги всѣхъ вообще обывателей г. Шпаковский, очевидно, не рѣшается и мечтать. Въ параллель къ приведеннымъ разсказамъ „Дальняго Востока“ и „Восточнаго Вѣстника“, „Восточное Обозрѣніе“, въ свою очередь, повѣствуетъ, со словъ „Забайкаля“, о подвигахъ одного инженера на Забайкальской желѣзной дорогѣ, который, нещадно избивая рабочихъ, пользуется при этомъ услугами особаго тѣлохранителя, въ видѣ вооруженнаго револьверомъ студента-практиканта, изображающаго собою какъ бы „манчжурца пригото- вительнаго класса“ ***).

На Дальнемъ Востокѣ, какъ можно думать, судя по этимъ фактамъ, случаи произвола какъ будто сосредоточиваются около новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Не совсѣмъ, впрочемъ, избавлены отъ этихъ случаевъ и другія мѣстности.

27 іюня текущаго года въ иркутскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію становаго пристава Антипова въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 348-й и 2 ч. 1540-й ст. ул. о нак., т. е. въ незаконномъ лишеніи, свободы, продолжавшемся болѣе недѣли, безъ всякихъ къ тому основаній. Дѣло это возникло по слѣдующему поводу. 10 октября 1899 года въ с. Тулунѣ, по распоряженію мѣстнаго крестьянскаго начальника, былъ собранъ сельскій сходъ, на которомъ обсуждался вопросъ объ ассигнованіи обществомъ суммъ на содержаніе полицейскаго надзирателя и состоящей при немъ полицейской стражи. На сходѣ

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 21 окт. 1902 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 3 окт. 1902 г.

***) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 29 окт. 1902 г.

былъ, между прочимъ, и крестьянинъ Казаковъ, который при обсужденіи этого вопроса заявилъ, что обществомъ на содержаніе десяти вольнонаемныхъ полицейскихъ служителей отпускается ежегодно 2.000 р., тогда какъ на дѣлѣ полицейскихъ содержится значительно менѣе этого числа, и что въ виду этого онъ дальнѣйшее увеличеніе уже ассигнованныхъ на этотъ предметъ суммъ считаетъ совершенно излишнимъ. Усмотрѣвъ въ заявленіи Казакова признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 940 ул. о нак., т. е. лживаго доноса, становой приставъ Антиповъ, особенно усердно ратовавшій за увеличеніе суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе полицейской команды, составилъ объ изложенномъ протоколъ и вслѣдъ затѣмъ, предъявивъ къ Казакову обвиненіе по 940 ст. ул. о нак., на основаніи 1 п. 257 ст. уст. судопр. заключилъ его подъ стражу въ Тулуновскую волостную тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ, спустя девять дней, уже по распоряженію товарища прокурора *). Возбужденное Антиповымъ противъ Казакова преслѣдованіе было, однако, тотчасъ же прекращено за отсутствіемъ состава преступленія, а жалоба Казакова, обвинявшая станового пристава Антипова въ превышеніи власти, повела къ тому, что Антиповъ самъ былъ преданъ суду по обвиненію въ незаконномъ лишеніи свободы.

Очутившись такимъ образомъ въ роли подсудимаго, Антиповъ чувствовалъ себя въ ней, повидимому, очень странно. На предварительномъ слѣдствіи онъ „виновнымъ себя не призналъ, ссылаясь на то, что передъ заключеніемъ Казакова подъ стражу онъ совѣтовался объ этомъ и съ судебнымъ слѣдователемъ, и съ мировымъ судьей, а затѣмъ о самомъ заключеніи донесъ товарищу прокурора, исправнику и даже губернатору и что всѣ означенныя лица знали о содержаніи Казакова подъ стражею“. На судѣ же Антиповъ показалъ слѣдующее: „надо знать, что вольнонаемная полицейская стража въ с. Тулунѣ—моя инициатива. Объ учрежденіи ея я лично докладывалъ его превосходительству, г. начальнику губерніи, и его превосходительство вполне одобрилъ это. Она функционировала уже цѣлый годъ. Но нашлись лица, которыя были противъ этого. Когда мы были засѣдателями и пользовались правами мировыхъ посредниковъ, мы прямо отстраняли отъ участія въ сходѣ такихъ господъ, какъ Казаковъ,—крикуновъ, міроѣдовъ, которые рѣшеніе схода направляли исключительно въ свою пользу, что ему надо, а не въ общественную. То же дѣлали мои предмѣстники: напримѣръ, приставъ Андреевъ удалялъ со схода; удалялъ и я. Въ 1899 г., когда введенъ былъ институтъ крестьянскихъ начальниковъ, мы лиши-

*) Пунктъ первый ст. 257-й уст. уг. судопр. гласитъ: «полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способамъ уклоняться отъ слѣдствія, когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія».

лись возможности воздѣйствовать на сходѣ. Въ этомъ году мнѣ было поручено его превосходительствомъ, г. начальникомъ губерніи, стараться, чтобы полицейская стража продолжала существовать. Этимъ же вопросомъ очень интересовался бывшій прокуроръ иркутскаго окружнаго суда, г. Подольковъ, кромѣ того, это дѣло мнѣ было поручено уѣзднымъ исправникомъ. И вдругъ на сходѣ какой-то Казаковъ кричитъ, что общество отпускаетъ 2.000 рублей, что вмѣсто 10 полицейскихъ содержится 5—4, а остальные деньги кладутся въ карманъ волостнымъ старшиной, писаремъ и сельскими властями“. На замѣчаніе председательствующаго, что все это не давало основанія заключать Казакова подъ стражу, Антиповъ отвѣчалъ: „Я знаю... Но по инструкціи бывшаго прокурора судебной палаты Кобылина можно... Я донесъ объ этомъ арестѣ исправнику, губернатору, товарищу прокурора... Товарищъ прокурора находился въ то время въ Братскомъ острогѣ. Я туда послалъ копію постановленія съ нарочнымъ... Всѣ были извѣщены, даже и губернаторъ“...

Такимъ образомъ Антиповъ, глубоко недоумѣвая, что собственно въ его дѣйствіяхъ могло быть неумѣстнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ и не пытался скрывать, что законъ игралъ въ этихъ дѣйствіяхъ лишь роль прозрачной ширмы. Антиповъ и самъ хорошо понималъ, что въ обсужденіи Казаковымъ на сходѣ вопроса объ ассигнованіи суммъ на полицейскую стражу не было и не могло быть ничего общаго съ „лживымъ доносомъ“. Не менѣе хорошо понималъ онъ и то, что при обвиненіи въ подобномъ преступленіи имѣющаго осѣдлость крестьянина не было никакихъ основаній путемъ тюремнаго заключенія пресѣкать ему способы къ уклоненію отъ слѣдствія. Но дѣло было въ другомъ. Вопросомъ объ ассигнованіи суммъ на полицейскую стражу въ с. Тулунѣ интересовались губернаторъ, исправникъ, прокуроръ, а тутъ „какой-то Казаковъ“ осмѣливается противорѣчить этому ассигнованію. Положимъ, законъ даетъ Казакову право на это, а право наблюденія за дѣйствіями схода предоставляет не становому приставу, а крестьянскому начальнику, но недаромъ-же существуетъ народная пословица: „законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло“. И вотъ къ общественнику, обсуждающему на сходѣ вопросъ о производительности ассигнуемыхъ обществомъ расходовъ, предъявляется обвиненіе въ „лживомъ доносѣ“, а немедленно вслѣдъ затѣмъ онъ, „на основаніи п. 1 ст. 257 уст. уг. судопр.“, заключается и въ тюрьму,—въ видахъ пресѣченія ему способовъ уклоненія отъ слѣдствія.

Обвинявшій Антипова товарищъ прокурора находилъ въ его дѣйствіяхъ по лишенію Казакова свободы „типичный образецъ своеволія“, „незаконное воздѣйствіе, оформленное закономъ“. Съ своей стороны иркутскій окружный судъ, признавъ Антипова виновнымъ въ незаконномъ лишеніи свободы, постановилъ все же

сравнительно мягкій приговоръ надъ нимъ, присудивъ его именно къ тюремному заключенію срокомъ на шесть мѣсяцевъ *). Мы не беремся, однако, судить, насколько этотъ приговоръ окажется вѣроятнымъ предупредить возникновеніе подобныхъ же дѣлъ въ недалекомъ будущемъ.

То упрощенное представленіе о правахъ крестьянскаго населенія которое нашло себѣ яркое выраженіе въ дѣйствіяхъ становаго пристава Антипова, достаточно широко распространено и за предѣлами Сибири. Не далѣе, какъ 3 сентября текущаго года въ чердынской выѣздной сессіи пермскаго окружнаго суда разсматривалось дѣло становаго пристава 3-го стана Чердынскаго уѣзда Тульчинскаго, также по обвиненію въ незаконномъ лишеніи свободы. Тульчинскій обвинялся именно въ томъ, что, получивъ сообщеніе о найденномъ въ с. Юрлѣ дѣтскомъ черепѣ, не донесъ объ этомъ прокурорскому надзору, а продержалъ заподозрѣнную имъ въ дѣтоубійствѣ крестьянку Щеколову 19 дней подъ арестомъ безъ всякаго постановленія и въ не надлежащемъ мѣстѣ— въ крестьянской избѣ, спеціально нанятой для этой цѣли. Щеколова была освобождена лишь мѣстнымъ товарищемъ прокурора, случайно узнавшимъ о такомъ незаконномъ лишеніи свободы. вмѣстѣ съ Тульчинскимъ судился также урядникъ, который помогалъ ему вести слѣдствіе и для отысканія матери убитаго младенца самолично освидѣтельствовалъ и „доилъ“ нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣвушекъ с. Юрлы. Окружный судъ приговорилъ пристава Тульчинскаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а урядника, обогатившаго слѣдовательскую практику новымъ приѣмомъ экспертизы,—къ отрѣшенію отъ должности **).

Одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя результаты. Неудивительно поэтому, что на крайнемъ югѣ Россіи мы встрѣчаемъ судебныя дѣла такого же характера, какъ въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ. Въ сенатѣ не такъ давно слушалось дѣло по апелляціоннымъ отзывамъ бывшихъ: полицейскаго пристава Елисаветпольскаго уѣзда Воробьева и урядника Теръ-Захарова на приговоръ тифлисской судебной палаты по обвиненію ихъ въ преступленіяхъ по должности. Обстоятельства этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. Урядникъ Теръ-Захаровъ, при соучастіи нѣсколькихъ полицейскихъ стражниковъ, нанесъ 17 декабря 1899 г. въ сел. Зурнабадѣ, при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, жестокіе побои плетью семерымъ жителямъ этого селенія. Съ своей стороны приставъ Воробьевъ, предположивъ, что жители колоніи Еленендорфъ уклоняются отъ опроса ихъ приставомъ по обвиненію въ сопротивленіи полицейскимъ стражникамъ 17 декабря, арестовалъ всѣхъ жителей и продержалъ подѣ

*) «Право», 14 сент. 1902 г.

**) «Пермскій Край». Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 18 сент. 1902 г.

стражею съ 21 по 23 декабря. Разслѣдованіемъ дѣла было обнаружено, что никакого сопротивленія жителями сел. Зурнабадъ полицейской стражѣ оказано не было, а столкновение произошло изъ-за неправильныхъ дѣйствій урядника и стражниковъ. Судебная палата, принявъ во вниманіе, что приставъ не имѣлъ права при производствѣ дознанія не только задерживать и подвергать кого-либо приводу для опроса, но даже вызывать къ себѣ лицъ, которыхъ онъ желалъ разспросить, приговорила Воробьева къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца, а Теръ-Захарова къ аресту при тюрьмѣ на 2 мѣсяца. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, оставилъ этотъ приговоръ палаты въ силѣ *).

До извѣстной степени аналогичное, хотя и менѣе характерное дѣло разбиралось въ началѣ прошлаго мѣсяца выѣздною сессіею одесской судебной палаты въ Херсонѣ. Дѣло это сводилось къ обвиненію бывшихъ городскихъ Кашпуровскаго, Ланчуковскаго и Баклана въ истязаніи при исполненіи служебныхъ обязанностей и возникло слѣдующимъ образомъ. Въ ночь на 10 іюля 1901 г. въ м. Кривомъ-Рогѣ два подвыпившіе крестьянина завели между собою ссору, а находившійся при этомъ мѣщанинъ, опасаясь драки, пошелъ за полиціей. Когда на его зовъ явились городовые Кашпуровскій и Ланчуковскій, они застали изъ двухъ ссорившихся одного Столѣтняго, котораго и задержали. Выведя его на улицу, они стали бить его кулаками и ногами. Столѣтній успѣлъ какъ-то вырваться и убѣжалъ въ домъ крестьянки Сычъ. Здѣсь онъ снялъ со стѣны икону и, держа ее передъ собою, восклицалъ: „Спаситель, спаси меня, у меня есть жена и дѣти!“ Но вбѣжавшіе вслѣдъ за нимъ городовые вытащили его изъ комнаты въ корридоръ, повалили на полъ и снова стали бить куда и чѣмъ попало. Избивали его такимъ образомъ въ теченіе получаса, такъ что присутствовавшая при этомъ Сычъ стала бояться, какъ бы онъ не умеръ отъ побоевъ. Когда городовые ушли, Столѣтній, немного оправившись, пошелъ было домой, но возлѣ волостного правленія былъ задержанъ тѣми же городовыми и еще третьимъ, Бакланомъ. Его привели въ кордегардію и снова начали бить, при чемъ ставили головой внизъ и били нагайкой, кулаками, пашкой и т. д. Осматривавшій послѣ этого Столѣтняго врачъ отнесъ побои къ разряду легкихъ, но въ виду особыхъ условій нанесенія ихъ все же призналъ ихъ истязаніемъ. Такъ было изложено дѣло въ обвинительномъ актѣ и это изложеніе было всецѣло подтверждено на судѣ показаніями свидѣтелей. Въ виду этого судебная палата признала всѣхъ трехъ подсудимыхъ виновными и приговорила Кашпуровскаго и Ланчуковскаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а дѣло о Бакланѣ, находящемся въ настоящее время на военной службѣ, постановила передать его

*) «Од. Новости26», сент. 1902 г.

прямому начальству для наложенія на него дисциплинарнаго взысканія *).

Какъ наглядно показываетъ этотъ эпизодъ, къ которому легко можно было бы подобрать не мало вполне ему подобныхъ, крестьянинъ, и попадая въ городъ, далеко не всегда выходитъ изъ атмосферы безправія и внѣзаконныхъ воздѣйствій. Но наиболѣе сгущенною эта атмосфера является все же въ границахъ деревни. Время отъ времени это обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе даже высшихъ административныхъ сферъ. Такъ, еще недавно, по сообщенію газетъ, министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило, что оштрафованіе земскими начальниками всѣхъ участниковъ схода за шумъ и беспорядки по 61 ст. положенія о земскихъ начальникахъ представляется безусловно нежелательнымъ и что поэтому за беспорядки на сходахъ надлежитъ избѣгать огульнаго наложенія дисциплинарнаго взысканія на всѣхъ участниковъ схода, ограничиваясь лишь наказаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыми беспорядки дѣйствительно учинены **). Такое разъясненіе нельзя, конечно, назвать лишнимъ, но само по себѣ взятое, оно едва-ли устранить всѣ нежелательныя послѣдствія примѣненія 61 статьи положенія о земскихъ начальникахъ. Болѣе или менѣе яркія иллюстраціи этихъ послѣдствій по временамъ даются и печатью. Между прочимъ, сравнительно недавно въ газетахъ рассказывалось, какъ земскій начальникъ 3-го участка Суджанскаго уѣзда Кологривовъ своимъ постановленіемъ отъ 29 марта текущаго года подвергъ все крестьянское общество с. Борокъ, въ числѣ 280 домохозяевъ, за отказъ отъ сдачи въ аренду права охоты въ общественномъ лѣсу, административному взысканію на основаніи 61 статьи: 34-хъ человекъ — трехрублевому штрафу, а всѣхъ остальныхъ — двухрублевому. Вдобавокъ, постановленіе это крестьянамъ объявлено не было и они узнали о немъ лишь тогда, когда волостной старшина приступилъ къ его исполненію. „Два мѣсяца—прибавляли газеты, рассказывая эту исторію,—крестьяне ходятъ въ камеру земскаго начальника съ просьбою о выдачѣ имъ оффиціальной копіи на предметъ обжалованія, но получить ее не могутъ, потому что земскаго начальника все это время въ камерѣ не было, а штрафъ съ нихъ настойчиво взыскивается“. Обстоятельства, вызвавшія наложеніе этого штрафа, были таковы. Боркское сельское общество сдавало право охоты въ своемъ общественномъ лѣсу нѣкому Юрьевичу за 15 р. въ годъ. Однако размноженіе волковъ въ этомъ лѣсу стало приносить крестьянамъ большіе убытки: въ короткое время заѣденнаго волками скота было зарегистрировано на сумму 1.000 р. Въ февралѣ текущаго года окончился срокъ аренды и

*) «Югъ». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 25 окт. 1902 г.

**) «Бирж. Вѣдомости». Цитируемъ по «Кіевлянину», 1 сент. 1902 г.

хотя Юрьевичъ предлагалъ повысить арендную плату съ 15 до 50 р., но крестьяне вовсе отказались отъ сдачи права охоты въ аренду и предоставили право охоты въ своемъ лѣсу всякому желающему, чтобы положить конецъ разведенію хищниковъ. Однако мѣстный земскій начальникъ Кологривовъ, самъ страстный охотникъ, принялъ участіе въ Юрьевичѣ и командировалъ на сельскій сходъ волостного старшину. „Послѣдній въ самую горячую рабочую пору созывалъ сельскій сходъ три раза и каждый разъ настаивалъ на сдачѣ въ аренду права охоты. Крестьяне, не смотря на то, что натискъ старшины имъ приходилось каждый разъ выдерживать чуть-ли не 12 часовъ въ душной атмосферѣ и терять драгоценное рабочее время, отъ сдачи охоты въ однѣ руки отказались“. Результатомъ этого упорства крестьянъ и явилось наложеніе на нихъ указаннаго выше штрафа *).

Не трудно видѣть, что дѣйствія г. Кологривова немного выиграли бы въ правомѣрности и въ томъ случаѣ, если бы административное взысканіе было обращено имъ не на всѣхъ, а лишь на нѣкоторыхъ участниковъ сельскаго схода. Статья 61 положенія о земскихъ начальникахъ разрѣшаетъ имъ „въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій“ ихъ лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, „подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей“. Но ни эта и никакая другая статья положенія не даютъ земскому начальнику права принуждать крестьянское общество къ тѣмъ или инымъ имущественнымъ сдѣлкамъ, касающимся его надѣльных земель. Въ данномъ случаѣ рекомендуемая сдѣлка была бы явно невыгодною для крестьянъ. Но даже и помимо этого соображенія образъ дѣйствій г. Кологривова едва ли можетъ найти для себя какую-либо защиту. Въ только что рассказанной исторіи мы, очевидно, опять встрѣчаемся, говоря словами товарища прокурора иркутскаго окружнаго суда, съ „незаконнымъ воздѣйствіемъ, оформленнымъ закономъ“.

Современная деревня испытываетъ немало попытокъ такого воздѣйствія и порою онѣ исходятъ даже отъ мелкихъ сельскихъ властей, успѣвшихъ приноровиться къ окружающей ихъ атмосферѣ. Въ пензенскомъ уѣздномъ сѣздѣ недавно слушалось очень любопытное въ этомъ отношеніи дѣло — по обвиненію нѣсколькихъ крестьянъ въ нарушеніи тишины въ публичномъ мѣстѣ. 3 февраля настоящаго года въ с. Безсоновѣ, лежащемъ верстахъ въ тридцати отъ Пензы, собрался сельскій сходъ для рѣшенія дѣла о прирѣзкѣ земли мѣстнымъ церковнослужителямъ. Во время споровъ по этому предмету одинъ изъ крестьянъ заявилъ, что недавно по этому вопросу была статья въ „Сельскомъ Вѣст-

*) «Р. Вѣдомости», 3 іюля 1902 г.

никѣ“, и попросилъ писаря прочитатъ ее. Писарь отказался. Сельскій староста также не позволилъ читатъ указанной статьи, а когда десятка два голосовъ стали настойчиво требовать ея прочтенія, староста, повысивъ голосъ, заявилъ: „именемъ закона приказываю всѣмъ разойтись“. Разговоры и требованія, однако, продолжались. Тогда сельскій староста немедленно донесъ объ этомъ земскому начальнику и пригласилъ урядника для водворенія порядка. Съ своей стороны земскій начальникъ привлекъ около 10 человекъ крестьянъ къ отвѣтственности и всѣхъ ихъ обвинилъ въ нарушеніи тишины въ публичномъ мѣстѣ. Дѣло было, однако перенесено въ уѣздный сѣздъ. Здѣсь товарищъ прокурора не призналъ возможнымъ отождествить рѣчи, произносимыя на сельскомъ сходѣ его участниками, съ нарушеніемъ тишины въ публичномъ мѣстѣ и поэтому не нашелъ въ дѣйствіяхъ крестьянъ состава преступленія. Сообразно этому всѣ обвиняемые были оправданы сѣздомъ *).

Если уже сельскій староста такъ легко соблазняется возможностью „водворять порядокъ“ на деревенскомъ сходѣ, то, пожалуй, не приходится удивляться и тому, что другія лица, стоящія на социальной лѣстницѣ немного выше старосты, въ свою очередь, входя въ сношенія съ крестьянами, необыкновенно быстро усваиваютъ себѣ въ этихъ сношеніяхъ чрезвычайно властный тонъ. Недавно опять-таки газеты перепечатавали очень интересный документъ, представляющій изъ себя наставленіе, разосланное одною особой по Славяносербскому уѣзду Екатеринославской губерніи. Особенно хороши были въ этомъ наставленіи слѣдующіе три пункта: „1) Старшины и писаря недѣимочныхъ волостей не только будутъ лишены мною установленнаго вознагражденія, но я вынужденъ буду ежемѣсячно обращаться къ содѣйствію гг. земскихъ начальниковъ, которые не оставятъ безнаказанными нерадивыхъ старшинъ и писарей. До настоящаго времени я не обходилъ наградой старшинъ и писарей, не обращался съ жалобами къ гг. земскимъ начальникамъ, дѣйствовалъ больше просьбой, чѣмъ приказаніемъ,—въ этомъ же году рѣшеніе мое будетъ непреклонно. 2) Одинъ изъ волостныхъ писарей злоупотребилъ моимъ мягкимъ, вѣжливымъ обращеніемъ, котораго я придерживаюсь какъ въ отношеніи сельскаго начальства, такъ и въ отношеніи всѣхъ крестьянъ вообще. Онъ позволилъ себѣ въ моемъ присутствіи въ волостномъ правленіи курить, слишкомъ развязно держалъ себя и, наконецъ, предложилъ садиться, тогда какъ онъ долженъ былъ ждатъ, пока я самъ предложу ему сѣсть. Надѣюсь, что ни одинъ умный писарь не позволитъ себѣ такого невѣжества, и 3) дѣятельныхъ старшинъ и писарей благодарю за службу, нерадивыхъ же прошу не вынуждать меня на крайнія мѣры“.

*) «Курьеръ». Цитируемъ по «Нижегор. Листку», 11 окт. 1902 г.

Грозный громовержецъ, разославшій это наставленіе, въ которомъ онъ обучалъ крестьянскихъ властей „вѣжливости“, суля имъ великія милости и нещадныя кары, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣстнымъ агентомъ земскаго страхованія *).

Скромный агентъ земскаго страхованія, лицомъ къ лицу съ крестьянами возмнившій себя громовержцемъ, лишь отразилъ въ своей нелѣпой фигурѣ общія условія современной деревенской дѣйствительности. Почти всякое лицо, соприкасающееся съ крестьяниномъ, является для него или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя „начальствомъ“, а идея начальства порою совершенно заслоняетъ собою идею закона. Туринскій корреспондентъ „Уральской Жизни“ не такъ давно сообщалъ объ одномъ изъ мѣстныхъ крестьянскихъ начальниковъ, будто онъ крайне неохотно выдаетъ крестьянамъ копіи своихъ постановленій, заявляя въ этихъ случаяхъ, что недовольные могутъ жаловаться на него Николаю Угоднику. Только при условіи настойчиваго требованія крестьянинъ получаетъ нужную для него бумагу, но не всегда помогаетъ и настойчивость **). Трудно ожидать, конечно, чтобы обстановка, въ которой создаются подобные административные приемы, очень благопріятствовала развитію въ крестьянской массѣ уваженія къ закону и законности. Но тѣ порядки, какими управляется жизнь этой многомилліонной массы, въ концѣ концовъ не остаются безъ воздѣйствія и на всю жизнь страны, содѣйствуя развитію въ ней тѣхъ же тенденцій, порожденіемъ которыхъ явились они сами. Благодаря этому обыватели, принадлежащіе къ различнымъ слоямъ общества и занимающіе самыя различныя положенія, время отъ времени внезапно убѣждаются, что та или иная сторона ихъ жизни попала подъ вліяніе особыхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, воздѣйствій.

За послѣднія недѣли газеты пестрятъ мелкими и крупными сообщеніями, иллюстрирующими эту сторону нашей общественной жизни. Возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ. По словамъ „Приднѣпровскаго Края“, „начальникъ екатеринославской почтово-телеграфной конторы г. Мухинъ распорядился, чтобы почталіоны въ свободное отъ службы время не одѣвались въ статское платье. У ослушниковъ статская одежда отбирается и складывается въ сараѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства“ ***). Едва-ли какой-либо законъ даетъ право начальнику почтовой конторы требовать отъ почталіоновъ ношенія форменной одежды въ свободное отъ службы время. Но г. Мухина, какъ видно, это обстоятельство нисколько не смутило. Если не существуетъ закона, который воспрещалъ бы почталіонамъ имѣть статское платье, то нашелся сараѣ, въ

*) «Нижег. Листокъ», 29 авг. 1902 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 7 сент. 1902 г.

***) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 29 авг. 1902 г.

которомъ можно складывать отобранную по распоряженію начальства статскую одежду.

Если въ Екатеринославѣ начальникъ почтовой конторы вводитъ упрощенную расправу для почталіоновъ, то въ другихъ городахъ людьми, въ теоріи, несомнѣнно, знакомыми съ закономъ, такая расправа подчасъ практикуется и надъ лицами, не имѣющими удовольствія состоять ихъ подчиненными. Въ Вильнѣ, какъ сообщилъ корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей“, мировой судья Сердюковъ далъ пощечину ученику мѣстнаго реального училища, только за то, что послѣдній, не будучи знакомъ съ Сердюковымъ, назвалъ его просто: „господинъ“ *). Въ Житомирѣ, по разсказу „Кіевлянина“, 29 августа вагонъ трамвая зацѣпилъ извозчицью пролетку, при чемъ сидѣвшіе на ней два офицера Архангелогородскаго полка были сброшены толчкомъ, и одинъ изъ нихъ получилъ серьезные ушибы, а другой отдѣлался сравнительно легко. „Когда,—продолжаетъ газета,—вагонъ былъ остановленъ, одинъ изъ офицеровъ, тотъ, который меньше пострадалъ, подошелъ къ площадкѣ и ударилъ вагоновожатаго пашкой. Кондуктору, который соскочилъ, поднялъ валявшуюся фуражку и подаль ея тому же офицеру, послѣдній далъ... увѣсистую пощечину“ **). Въ „Од. Новостяхъ“ недавно было помѣщено письмо нѣсколькихъ пассажировъ, ѣхавшихъ изъ Новороссійска на пароходѣ Россійскаго общества „Россія“. Авторы этого письма разсказываютъ, какъ въ Новороссійскѣ на ихъ глазахъ два пассажира 3-го класса, оказавшіеся, по слухамъ, безбилетными, были, по распоряженію капитана, „схвачены за руки и ноги пароходною прислугою, вынесены на берегъ и буквально выброшены, какъ мѣшки съ грузомъ“. „На одинокіе протесты изъ публики—прибавляютъ авторы письма—капитанъ парохода „Россія“ властно заявилъ, что „бунтующіе изъ публики будутъ высажены такимъ же образомъ“ ***). Значительная часть „публики“ теперь, повидимому, такъ уже привыкла къ актамъ упрощенной расправы, что не считаетъ нужнымъ и протестовать противъ нихъ. Съ своей стороны капитанъ парохода „Россія“, очевидно, не менѣе сельского старосты с. Безсонова увѣренъ въ томъ, что всякій протестъ противъ его дѣйствій является „бунтомъ“ и „нарушеніемъ общественной тишины“.

Этою модною въ наши дни болѣзнью, несомнѣнно, страдаетъ и одинъ изъ обывателей г. Аккермана. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать газетный отчетъ о дѣлѣ, слушавшемся 17 августа текущаго года въ камерѣ Аккерманскаго городского судьи. Дѣло это сводилось къ обвиненію бывшаго студента Б. Л. Лив-

*) «Спб. Вѣд.», 29 авг. 1902 г.

**) «Кіевлянинъ», 3 сент. 1902 г.

***) «Од. Нов.», 28 сент. 1902 г.

пица и мѣщанина П. Штейнберга по 30-й и 38-й ст. устава о нак.—въ ослушаніи стражѣ и нарушеніи общественной тишины. Такое обвиненіе явилось результатомъ сообщенія аккерманскаго уѣзднаго воинскаго начальника мѣстному полиціймейстеру, что 14 іюля около 12 часовъ ночи одинъ изъ проживающихъ въ Аккерманѣ студентовъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ дневальнаго Василюка, стоявшаго на посту, за то, что этотъ рядовой не позволилъ ему пройти къ самымъ казармамъ. Выстрѣлъ произвелъ студентъ Лившицъ или другой бывший съ нимъ человекъ. Вообще, стрѣляютъ ночью у казармъ, по сообщенію воинскаго начальника, очень часто, отъ чего могутъ быть ранены дневальные или можетъ произойти взрывъ патроновъ, угрожающій опасностью всему городу. Поэтому воинскій начальникъ просилъ произвести дознаніе и привлечь виновныхъ къ суду. Судебное разбирательство оказалось однако же богато неожиданностями. Свидѣтель со стороны обвиненія, рядовой Василюкъ, показалъ, что, когда онъ находился на часахъ возлѣ казармъ, къ вбитому по распоряженію воинскаго начальника на берегу лимана столбу, съ надписью о воспрещеніи постороннимъ лицамъ купаться на этомъ мѣстѣ, подошли два неизвѣстныхъ ему человека и стали ломать этотъ столбъ, а когда Василюкъ предложилъ имъ уйти и подалъ свистокъ, неизвѣстные убѣжали внизъ къ лиману и оттуда раздался вскорѣ выстрѣлъ. Такимъ образомъ уже въ показаніи этого свидѣтеля мѣсто казармъ, къ которымъ будто бы стремился студентъ Лившицъ вопреки настояніямъ дневальнаго, почему-то занялъ столбъ съ надписью о воспрещеніи купанья. Дальнѣйшія показанія принесли и новыя неожиданности. Василюкъ видѣлъ около столба неизвѣстныхъ ему людей. Другой свидѣтель, рядовой Самодѣлъ, удостовѣрилъ на судѣ, что 14 іюля въ полночь, возвращаясь изъ города, онъ встрѣтилъ вблизи казармъ со стороны лимана Лившица въ студенческой формѣ и Штейнберга. Выстрѣла онъ не слышалъ, но ему говорилъ о выстрѣлѣ Василюкъ. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній было однако же установлено alibi Лившица въ указанные часы. Вслѣдъ затѣмъ и все дѣло внезапно приняло иной характеръ. Именно, свидѣтель Паліевъ показалъ слѣдующее. 14 іюля, около 4 часовъ дня, онъ отправился на берегъ лимана вблизи казармъ купаться. Здѣсь онъ встрѣтилъ рядового Горбунова, заявившаго ему, что въ этомъ мѣстѣ постороннимъ купаться воспрещается. На заявленіе Паліева, что онъ все-таки будетъ купаться, такъ какъ бечевникъ по закону долженъ находиться въ общемъ пользованіи и никто не въ правѣ изъять его изъ такового, Горбуновъ пригрозилъ бросить одежду Паліева въ воду. Вскорѣ Горбуновъ появился надъ обрывомъ лимана съ двумя мальчиками, сыновьями воинскаго начальника, и всѣ они стали швырять въ купавшаго Паліева довольно увѣсистыми камнями. Когда находившіеся тутъ же Лившицъ и Штейнбергъ попытались заступиться за Паліева, то

Горбуновъ, обругавъ ихъ, ударилъ Штейнберга по лицу. Возмущенные молодые люди втроемъ отправились съ жалобой къ воинскому начальнику. Во дворѣ казармъ одинъ изъ солдатъ, узнавъ о цѣли ихъ прихода, толкнулъ Лившица въ грудь, остальные же окатили ихъ цѣлымъ потокомъ нецензурной ругани, а затѣмъ пошли доложить, что „какіе-то молодые люди ворвались во дворъ, шумятъ, бунтуютъ и проч.“ Такъ какъ г. Андреяновъ отсутствовалъ изъ дому, то гостившій у него родственникъ распорядился задержать ихъ впредь до пріѣзда воинскаго начальника. Прибывшій вскорѣ г. Андреяновъ сталъ кричать, что предастъ молодыхъ людей военному суду, и, лишь уступивъ увѣщаніямъ своей жены, освободилъ ихъ изъ-подъ стражи и отпустилъ домой, а на слѣдующій день написалъ въ полицію о привлеченіи ихъ къ суду за нарушеніе общественной тишины. Показаніе Паліева подтвердилъ на судѣ и другой свидѣтель, г. Астраханцевъ. Въ результатѣ городской судья призналъ Б. Лившица и П. Штейнберга по суду оправданными *). Такимъ образомъ теперь остается неразрѣшеннымъ только не лишенный интереса вопросъ, не разъяснить-ли компетентное судебное учрежденіе г. Андреянову, что ни воинскій начальникъ, ни даже его родственникъ не могутъ лишать свободы людей, виновныхъ лишь въ желаніи выкупаться.

До извѣстной степени аналогичный случай оригинальнаго примѣненія законовъ и начальственныхъ распоряженій произошелъ и въ Кутаисѣ. Въ этомъ городѣ 6 апрѣля текущаго года полиціймейстеръ Лисовскій въ 11 часовъ вечера прекратилъ домашній спектакль въ дворянской школѣ, руководясь циркуляромъ о воспрещеніи скопищъ**). Всякій спектакль, хотя бы и домашній, необходимо предполагаетъ, конечно, извѣстное „скопище“, — скопище актеровъ и скопище зрителей. И тѣмъ не менѣе вполне естественно, казалось бы, задаться вопросомъ, подлежитъ ли циркуляръ, воспрещающій скопища, столь распространительному толкованію, что на основаніи его возможно запрещать спектакли, концерты и т. п. собранія. Если разрѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то, оставаясь послѣдовательнымъ, придется, пожалуй, признать, что подобный циркуляръ воспрещаетъ и публичное богослуженіе, въ свою очередь неизбежно влекущее за собою извѣстное скопленіе народа. Но возможность такихъ вопросовъ и сомнѣній, какъ видно, не допускалась лицомъ, прекратившимъ спектакль въ кутаисской дворянской школѣ. Иначе, впрочемъ, взглянуло на дѣло само кутаисское дворянство, которое, по словамъ газетъ, „въ настоящее время крайне заинтересовано исходомъ своей жалобы на дѣйствія мѣстнаго полиціймейстера“. Мѣстная губернская администрація высказалась за объ-

*) «Р. Вѣд.», 26 авг. 1902 г.

**) «Новое Обозрѣніе». Цитируемъ по «Праву» № 17, 21 апр. 1902.

явленіе полиціѣмейстеру выговора, но дворянство этимъ не удовлетворилось и намѣрено передать свою жалобу дальше, предполагая командировать по этому дѣлу губернскаго предводителя дворянства въ Петербургъ *).

Если такимъ образомъ даже наиболѣе привилегированныя группы обывателей не избавлены отъ возможности случаевъ пренебреженія закономъ, то, конечно, тѣмъ менѣе рѣдкими могутъ быть подобные случаи въ тѣхъ областяхъ обывательской жизни, гдѣ авторитетъ власти по самому ея характеру является особенно сильнымъ, а права подчиненныхъ этому авторитету лицъ—особенно скромными. Это и наблюдается на практикѣ. Въ „Развѣдчикѣ“ на дняхъ былъ напечатанъ характерный приказъ по войскамъ московскаго военнаго округа. „Къ сожалѣнію,—говорится въ этомъ приказѣ—случай нанесенія ударовъ нижнимъ чинамъ, какъ начальниками изъ нижнихъ же чиновъ, такъ и офицерами, хотя и рѣдко, но продолжаютъ имѣть мѣсто въ частяхъ округа. Обращая вниманіе начальствующихъ лицъ на это прискорбное явленіе, безусловно требую принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ совершенному искорененію въ войскахъ кулачной расправы. Предупреждаю, что съ виновными впредь буду поступать со всею строгостью закона“ **). Немногимъ раньше въ газетахъ былъ опубликованъ подобный же приказъ по войскамъ одесскаго военнаго округа. „Произведеннымъ по жалобѣ, поданной на капитана „—“, разслѣдованіемъ,—говорится въ этомъ документѣ,—обнаружена виновность офицера въ нанесеніи побоевъ состоящему при немъ казенною прислугой рядовому того же батальона „—“. Не приличествуетъ отцу-командиру бить ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ,—и капитанъ „—“ вполне заслужилъ удаленіе отъ командованія ротой; но, принимая во вниманіе отличный отзывъ ближайшаго начальства о службѣ этого офицера и ходатайство о немъ коменданта керченской крѣпости, а также грубое поведеніе рядоваго „—“ по отношенію къ членамъ семьи капитана „—“, вызвавшее поступокъ командира роты, предписываю арестовать капитана „—“ на гауптвахтѣ на 20 дней. Такъ какъ случаи кулачной расправы въ войскахъ округа, къ сожалѣнію, повторяются довольно часто, то я вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю на это вниманіе начальниковъ всѣхъ степеней и предписываю принять дѣйствительныя мѣры къ искорененію этой некультурной привычки. Временно командующій войсками генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Каульбарсъ“ ***).

Уже одинъ фактъ почти одновременнаго появленія подобныхъ приказовъ въ двухъ значительно удаленныхъ другъ отъ друга

* «Ниж. Листокъ», 26 сент. 1902 г.

** Цитируемъ по «Спб. Вѣд.», 4 ноября 1902 г.

***) «Од. Новости». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 19 авг. 1902 г.

округахъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуешь о томъ, что отмѣченныя въ этихъ документахъ явленія въ настоящее время далеко не представляютъ собою чего-либо случайнаго и экстраординарнаго. А между тѣмъ, было время,—по крайней мѣрѣ, нашему поколѣнію рассказывали объ немъ наши отцы и старшіе братья,—когда кулачная расправа начала было исчезать изъ жизни русской арміи.

За послѣднее время высшему военному начальству приходится, впрочемъ, и по другимъ поводамъ напоминать о существованіи закона. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, опубликованный недавно въ „Русскомъ Инвалидѣ“ приказъ командира 3-го армейскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Чайковскаго. „Одинъ изъ командировъ полковъ корпуса,—гласитъ этотъ приказъ,—утвердивъ неправильный приговоръ по дѣлу объ одномъ изъ нижнихъ чиновъ, въ утвержденіи своемъ, между прочимъ, изложилъ: „копію съ приговора послать на родину, дабы и тамъ односельчане знали, что рядовой, состоявъ на службѣ, позволилъ себѣ послушаться своего прямого начальника, за что и приговоренъ къ такому тяжкому наказанію“. Главный военный судъ, отмѣнивъ неправильный приговоръ, сообщилъ на усмотрѣніе командующаго войсками приведенное выше неправильное распоряженіе командира полка объ отсылкѣ копіи приговора на родину для объявленія односельчанамъ. Его высокопревосходительство, разсмотрѣвъ это дѣло, приказалъ внушить командиру этого полка, что измѣнять законъ по личному усмотрѣнію никто не имѣетъ права и чтобы впредь такое нарушеніе не допускалось. Объявляя объ этомъ, предлагаю командирамъ частей какъ можно внимательнѣе относиться къ дѣламъ утвержденія приговоровъ полковыхъ судовъ и ни подъ какимъ видомъ не позволять себѣ отступленій отъ существующихъ законоположеній“ *).

„Отступленія отъ существующихъ законоположеній“, рождающіяся на почвѣ замѣны закона „личнымъ усмотрѣніемъ“, естественно, совершаются тѣмъ легче и принимаютъ тѣмъ большіе размѣры, чѣмъ меньшими являются права тѣхъ лицъ, за счетъ которыхъ они происходятъ. Газеты за послѣднее время дали нѣсколько описаній случаевъ отступленія отъ закона, происходившихъ въ тюремномъ быту, и въ этихъ описаніяхъ какъ бы сконцентрированы всѣ тѣ черты, которыя можно было наблюдать въ разбросанномъ видѣ въ приведенныхъ выше эпизодахъ. Напомнимъ два такіа описанія.

19 сентября текущаго года казанская судебная палата разбирала дѣло бывшаго начальника Николаевскаго исправительнаго арестанскаго отдѣленія въ Верхотурскомъ уѣздѣ, г. Фосса, по обви-

*) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 26 окт. 1902 г.

ненію его въ разнаго рода хищеніяхъ и въ истязаніяхъ арестантовъ. По словамъ газетнаго отчета *), въ дѣлѣ „фигурировали подложные счета, обкрадываніе казны всевозможными путями и способами, невѣроятныя истязанія арестантовъ“. На судебномъ слѣдствіи раскрылась поразительная картина тюремной жизни, остававшаяся неизмѣнною въ теченіе ряда лѣтъ. Нѣсколько выдержекъ изъ того же отчета смогутъ дать приблизительное понятіе объ этой картинѣ. „Передъ г. Фоссомъ трепетали не только истязуемые имъ арестанты, не только разный подчиненный ему людъ, но запуганы были даже врачъ и священникъ. Изъ людей, одаренныхъ рѣчью, они сдѣлались безгласными. Все трепетало и безмолствовало. И неудивительно: г. Фоссъ съ людьми не церемонился. За малѣйшую провинность онъ наказывалъ арестантовъ розгами, а служащихъ, подчиненныхъ ему, увольнялъ въ 24 часа“. „Одинъ арестантъ за попытку къ побѣгу былъ доставленъ въ больницу въ такомъ видѣ, что представлялъ собою сплошной кровоподтекъ, съ проломами, ранами, кровохарканіемъ. Били его не только надзиратели, но и самъ начальникъ Фоссъ. И этотъ избитый, искалѣченный, не оправившійся еще отъ побоевъ арестантъ былъ жестоко высѣченъ. Система сѣченія розгами была „фоссовская“. Розги распаривались, солились. Число ударовъ опредѣлялось по вдохновенію. Былъ случай сумасшествія арестанта послѣ столь звѣрской расправы. Проявлявшіе малодушіе при наказаніяхъ служащіе г. Фоссомъ немедленно увольнялись, какъ непригодные къ несенію своихъ обязанностей... „Арестантовъ кормили тухлой солониной, которую выбрасывали, какъ никуда негодную, окрестные золотопромышленники. Эту солонину подбиралъ г. Фоссъ и довольствовалъ ею арестантовъ. Когда послѣдніе отказались употреблять ее въ пищу, г. Фоссъ усмотрѣлъ въ этомъ бунтъ и расправился съ арестантами такъ, какъ только онъ умѣлъ расправляться... „Бунтъ“ былъ побѣдоносно усмирень. По словамъ свидѣтеля, помощника тюремнаго инспектора И. И. Шилкарскаго, комната, въ которой г. Фоссъ производилъ свои звѣрскія расправы съ арестантами, была забрызгана и окрашена кровью. Кровь окрашивала и полъ, и стѣны, и потолокъ. Арестантовъ пороли не на жизнь, а на смерть. Это были не наказанія, а истязанія, какая-то жестокая бойня людей, цѣлое море проливаемой крови... Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло, приговорила Фосса къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію на три года въ арестантскія роты.

Иркутская судебная палата недавно, въ свою очередь, разсматривала дѣло объ истязаніи арестантовъ по обвиненію становаго пристава Турчанинова въ томъ, что онъ послѣ ареста нѣсколь-

*) «Уральская Жизнь». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 25 сент. 1902 г.

нихъ бѣглыхъ арестантовъ, превысивъ свою власть, приказалъ наложить на нихъ ручные, ножные и не установленные закономъ шейные кандалы. По разсказу на судѣ одного изъ потерпѣвшихъ, операція наложенія шейныхъ кандаловъ сопровождалась мучительными болями; арестантовъ заставляли ложиться на наковальню и заковывали желѣзо на голое тѣло, не смотря на то, что въ то время стоялъ морозъ въ 30 градусовъ. Первоначально дѣло это разбиралось въ окружномъ судѣ и въ немъ подсудимый утверждалъ, что распоряженіе заковать арестантовъ въ шейные кандалы было дано помощникомъ исправника Саломатовымъ, а онъ, становой приставъ, явился лишь исполнителемъ этого распоряженія. Саломатовъ, однако, отрицалъ это, и окружный судъ приговорилъ Турчанинова къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца. Въ засѣданіи судебной палаты, на вопросъ предсѣдателя, не желаетъ-ли подсудимый объяснить что-либо, Турчаниновъ далъ такое объясненіе: „Мнѣ навязывается какая-то жестокость, это — неправда. Если бы я дѣйствительно обладалъ такимъ низкимъ качествомъ, какъ месть къ арестантамъ, я бы не ограничился только ошейниками. Предо мною были преступники, которые оказывали вооруженное сопротивленіе, и при дѣйствительномъ желаніи мнѣ ничего бы не стоило перестрѣлять ихъ и быть по закону правымъ“. Засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ свое великодушіе, помѣшавшее ему „перестрѣлять“ сопротивлявшихся арестантовъ, г. Турчаниновъ оставилъ все-таки безъ разъясненія вопросъ, по какимъ мотивамъ къ пойманнымъ уже арестантамъ было примѣнено жестокое и незаконное истязаніе, ни въ какомъ случаѣ не могшее играть роль предупредительной мѣры. Палата, отмѣнивъ приговоръ окружнаго суда, постановила подвергнуть Турчанинова аресту на гауптвахтѣ на три недѣли *).

Вглядываясь въ эту вереницу фактовъ, даваемыхъ современной дѣйствительностью, трудно не видѣть, что, какъ бы ни были малы тѣ или иные изъ нихъ, вся ихъ совокупность является серьезнымъ указаніемъ на продолжающееся умаленіе значенія законности въ общественной жизни. Но, какъ намъ уже не разъ приходилось указывать, путь къ поднятію законности имѣется лишь одинъ, и этотъ путь заключается въ расширеніи правъ, предоставляемыхъ закономъ личности обывателя.

II.

Въ началѣ будущаго 1903 года исполнится двѣсти лѣтъ со времени появленія въ Россіи періодической печати. Мы находимся, такимъ образомъ, наканунѣ двухсотлѣтняго юбилея русской

*) «Вост. Обзоріе». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 2 окт. 1902 г. № 11. Отдѣлъ II.

прессы. Повидимому, однако, этот юбилей общается пройти так же сѣро и незамѣтно, какъ и большинство литературныхъ праздниковъ послѣдняго времени. На предстоящій юбилей заранее уже ложится сѣроватый оттѣнокъ, а проекты ознаменованія этого юбилея, циркулирующіе въ обществѣ и печати, носятъ до чрезвычайности скромный и непритязательный характеръ. Такой характеръ ихъ выступаетъ особенно ярко, если оставить въ сторонѣ предположенія, направленные къ воспроизведенію прошлаго русской прессы, и остановиться лишь на проектахъ, имѣющихъ въ виду ея настоящее и будущее.

Первоначально, въ качествѣ такихъ проектовъ, были выдвинуты предположенія создать „школу журналистовъ“ и убѣжище для „инвалидовъ печати“. Скоро, однако, обнаружилось, что оба эти неуклюжіе проекта не могутъ разсчитывать на сколько-нибудь значительное сочувствіе, и постепенно они оба, кажется, канули въ Лету. За послѣднее время на мѣсто ихъ выдвинулись два другіе—созданія въ Москвѣ „московскаго общества дѣятелей періодической печати“ и обложенія всѣхъ періодическихъ изданій, ихъ сотрудниковъ и даже читателей особымъ сборомъ въ пользу существующей въ Петербургѣ „Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“ съ цѣлью усиленія имѣющагося при этой кассѣ пенсіоннаго капитала. Первому изъ этихъ проектовъ присуще по преимуществу мѣстное значеніе, и мы не будемъ поэтому сейчасъ останавливаться на немъ. Но другой проектъ, усиленно пропагандируемый частью нашей печати, невольно вызываетъ на нѣкоторыя замѣчанія.

Идея взаимопомощи писателей имѣетъ за себя очень много серьезныхъ соображеній и заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія, а практическое осуществленіе этой идеи у насъ представляется, быть можетъ, болѣе важнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Благодаря чрезмѣрной массѣ случайностей, обременяющей литературный трудъ и заработокъ въ Россіи, русскій писатель гораздо легче и гораздо чаще своего западно-европейскаго собрата попадаетъ въ тяжелое матеріальное положеніе. Съ другой стороны, въ значительной мѣрѣ благодаря той же самой причинѣ, лишь очень рѣдкій изъ русскихъ писателей успѣваетъ путемъ литературнаго труда обезпечить себя на годы старости, когда постоянный трудъ становится непосильнымъ. Въ эти минуты кризиса и годы слабости несравненно пріятнѣе, конечно, получать помощь по праву, а не изъ милости, обращаться къ средствамъ, собраннымъ на началахъ взаимопомощи, а не къ общественной благотворительности, въ какой бы деликатной формѣ ни предлагалась эта послѣдняя. Такія и подобныя имъ разсужденія не разъ высказывались въ печати организаторами учрежденной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ „Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“. Само собой, эти разсужденія могли

быть встрѣчаемы лишь сочувствіемъ. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ „Касса взаимопомощи“ въ своей дѣятельности не разъ уже уклонялась отъ тѣхъ принциповъ, которые, по словамъ ея организаторовъ, положены въ основу всѣхъ ея дѣйствій, и однимъ изъ такихъ уклоненій представляется намъ и послѣдній проектъ обложенія періодическихъ изданій, ихъ сотрудниковъ и читателей. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся поближе къ тому, что намъ предлагаютъ.

По отношенію къ періодическимъ изданіямъ авторами проекта предлагается двоякаго рода обложеніе: добровольное и обязательное. При этомъ первый видъ обложенія связывается съ оплатою перепечатокъ статей и сообщеній изъ другихъ періодическихъ изданій. Издателямъ газетъ и журналовъ предлагается именно въ видахъ суммарной оплаты такихъ перепечатокъ дѣлать взносы въ томъ или иномъ, добровольно устанавливаемомъ самими издателями, размѣрѣ въ пенсіонный капиталъ „Кассы взаимопомощи“. Эта часть проекта была выдвинута еще ранѣе, независимо отъ предстоящаго юбилея, и за послѣднее время лишь пропагандируется въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Отчасти она находитъ уже себѣ и практическое осуществленіе. Минувшимъ лѣтомъ газеты сообщали, что представитель „Кассы взаимопомощи“ объѣзжаетъ различные города и входитъ въ соглашеніе съ издателями относительно уплаты ими взносовъ въ „Кассу“ за помещаемыя въ ихъ изданіяхъ перепечатки. „Въ настоящее время—говорится въ статьѣ г. Лукина въ „Р. Вѣдомостяхъ“ — производятъ такую уплату сорокъ три столичныхъ и провинціальныхъ изданія, вносящихъ въ общей сложности (отъ 360 р. до 1 р.)—3.514 р. въ годъ“. „Было бы очень желательно, — прибавляетъ г. Лукинъ, — чтобы и остальные наши періодическія изданія приняли участіе въ этомъ добровольномъ пожертвованіи въ пользу пенсіоннаго капитала“ *). Врядъ-ли, однако, возможно присоединиться къ этому пожеланію. „Касса взаимопомощи“ давно и усиленно агитируетъ за необходимость установленія оплаты перепечатокъ, но эта мысль далеко не находитъ себѣ всеобщаго признанія. Не далѣе, какъ два года тому назадъ, когда въ Петербургѣ еще существовалъ гораздо болѣе авторитетный и по составу, и по количеству своихъ участниковъ „Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“, большинство его членовъ категорически высказалось противъ установленія оплаты перепечатокъ въ періодическихъ изданіяхъ, допустивъ изъ этого общаго правила лишь нѣкоторыя частныя исключенія. Но если отказаться отъ этого мнѣнія, съ моей точки зрѣнія, однако, являющагося единственно правильнымъ, и признать, что перепечатки всегда требуютъ оплаты, то очевидно, что плата за нихъ должна при-

*) «Р. Вѣдомости», 27 окт. 1902 г.

надлежать лишь автору перепечатываемой статьи и не может быть никѣмъ ни отдаваема, ни получаема помимо его вѣдома и согласія. Между тѣмъ „Касса взаимопомощи“ изъявляетъ претензію на получение платы за перепечатку статей не только членовъ „Кассы“, но и всѣхъ вообще русскихъ писателей, и, осуществляя эту претензію на дѣлѣ путемъ соглашенія съ издателями, употребляетъ собранныя отъ имени всѣхъ писателей средства на нужды исключительно членовъ „Кассы“. Надо ли доказывать, что такой порядокъ, имѣя очень мало общаго съ „взаимопомощью“, противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости и не можетъ быть защищаемъ ни съ какой точки зрѣнія, исключая развѣ непосредственныхъ интересовъ членовъ „Кассы“? И можно ли желать упроченія и расширения такого порядка?

Помимо добровольнаго обложенія періодическихъ изданій въ пользу „Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“ проектируется, однако, еще и обязательное. „Достаточно было бы,—говорится по этому поводу въ обошедшемъ многія газеты письмѣ одного изъ основателей „Кассы взаимопомощи“, г. Градовскаго,—чтобы всѣ частныя изданія были обязаны закономъ (о которомъ и можно ходатайствовать по случаю 200-лѣтія періодической печати) вносить въ пользу пенсіоннаго капитала кассы отъ 25 до 200 р. въ годъ“ *). Часть писателей склонна, повидимому, принимать этотъ проектъ серьезно. Довольно трудно, однако, представить себѣ, на какихъ основаніяхъ *всѣ* изданія могли бы быть обложены въ пользу *нѣкоторыхъ* писателей-членовъ „Кассы взаимопомощи“ и какъ можно было бы мотивировать ходатайство о законѣ, устанавливающемъ за общій счетъ всей періодической печати привилегированное положеніе одной группы писателей.

Инициаторы проекта, выставляемаго въ интересахъ „Кассы взаимопомощи“, выступаютъ и еще съ двумя предложеніями. Всѣмъ сотрудникамъ періодическихъ изданій они предлагаютъ установить вычетъ извѣстнаго процента съ гонорара въ пенсіонный капиталъ „Кассы“, при чемъ съ этою мѣрою связываются самыя розовыя ожиданія. „Если бы — говорится, напр., въ цитированной уже статьѣ г. Лукина,—всѣ сотрудники обложили свои жалованья и получаемый ими гонораръ хотя полупроцентнымъ сборомъ, то пенсіонный капиталъ возросъ бы до такихъ размѣровъ, при которыхъ каждый труженикъ печати считалъ бы себя вполне обеспеченнымъ подъ старость пенсіею“. Эти строки, несомнѣнно, могли быть написаны лишь въ результатѣ очень малаго знакомства съ страховымъ дѣломъ, если только не предположить, что вмѣсто словъ: „каждый труженикъ печати“ въ нихъ нужно читать: „каждый членъ „Кассы взаимопомощи.“ Наконецъ, наряду

*) «Од. Новости», 13 окт. 1902 г.

съ этою мѣрою редакціямъ хотя бы главнѣйшихъ газетъ и журналовъ предлагается пригласить своихъ читателей при подпискѣ на 1903 годъ добавлять „хотя бы нѣсколько копѣекъ“ въ пользу пенсіоннаго капитала „Кассы“. И опять-таки въ этихъ предложеніяхъ взаимопомощь упорно смѣшивается съ благотворительностью и упускается изъ виду то обстоятельство, что не совсѣмъ удобно отъ имени вообще писателей приглашать къ пожертвованіямъ на нужды одной писательской группы.

У насъ имѣется благотворительное учрежденіе, преслѣдующее задачу помощи писателямъ. Такимъ учрежденіемъ является именно Литературный Фондъ, существующій уже около полувѣка. При этомъ средства Фонда составились и составляютъ главнымъ образомъ изъ взносов и пожертвованій самихъ писателей, такъ какъ русское общество никогда не было особенно отзывчивымъ къ писательской нуждѣ. Но Литературный Фондъ, какъ и подобаетъ благотворительному учрежденію, оказываетъ помощь по мѣрѣ своихъ средствъ всякому нуждающемуся писателю, независимо отъ того, состоитъ-ли онъ членомъ Фонда или нѣтъ. Въ виду этого всего естественнѣе было бы и всѣ пожертвованія, идущія на нужды писателей, направлять въ Литературный Фондъ. Конечно, „Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“, въ свою очередь, можетъ собирать и принимать пожертвованія и такое право оговорено даже въ ея уставѣ. Но все же, кажется, лицамъ, ратующимъ за интересы „Кассы взаимопомощи“, не мѣшало бы нѣсколько точнѣе проводить границу между взаимопомощью и благотворительностью и не слѣдовало бы забывать, что можно приглашать только къ такимъ пожертвованіямъ и только такія пожертвованія принимать, которыя не затрагиваютъ правъ третьихъ лицъ. Въ проектахъ же, выставляемыхъ въ настоящій моментъ отъ имени „Кассы взаимопомощи“, сознаніе этого обязательства, повидимому, въ значительной мѣрѣ утрачено.

Впрочемъ, едва ли можно и вообще назвать особенно удачной мысль ознаменовать двухсотлѣтній юбилей русской печати помѣщеніемъ во всѣхъ органахъ прессы воззваній къ читателямъ съ просьбой о пожертвованіяхъ въ пользу писателей. На русскомъ обществѣ, несомнѣнно, лежитъ большой и тяжелый долгъ по отношенію къ литературѣ. Но этотъ долгъ трудно погасить пожертвованіемъ нѣсколькихъ копѣекъ и даже нѣсколькихъ рублей. Само собою разумѣется, я не хочу сказать, что общество вовсе не должно заботиться о матеріальной помощи писателямъ. Но не въ этой благотворительной помощи должна бы заключаться главная забота общества о литературѣ, служащей выраженіемъ умственной жизни націи. Среди нуждъ русскаго писателя первое мѣсто врядъ-ли можетъ быть отведено нуждамъ матеріальнаго характера. Мало того,—какъ ни велики эти матеріальныя нужды, и онѣ, несомнѣнно, могли бы въ значительной

мѣрѣ утратить свой острый характеръ, если бы измѣнились нѣкоторыя иныя условія нашей литературы, имѣющія ближайшее отношеніе къ общественнымъ интересамъ. Русскій писатель могъ бы значительно улучшить свое матеріальное положеніе уже въ томъ случаѣ, если бы весь его трудъ находилъ себѣ соотвѣтственную оплату. Но кто же не знаетъ, съ какими случайностями связана такая оплата и какая масса писательскаго труда не выходитъ за предѣлы редакціонныхъ помѣщеній даже при полномъ желаніи редакцій воспользоваться этимъ трудомъ?

Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что приближеніе 200-лѣтняго юбилея русской печати вызвало пока на сцену главнымъ образомъ проекты сбора пожертвованій на пенсіи писателямъ, нельзя не признать довольно характернымъ для настоящей минуты. И, быть можетъ, особенно характернымъ является при этомъ то, что такіе проекты имѣютъ, по крайней мѣрѣ, наружный успѣхъ въ Петербургѣ, томъ самомъ Петербургѣ, въ которомъ русскіе писатели еще такъ недавно оживленно обсуждали нужды своей профессіи, далеко не замыкая этого обсуждения въ сравнительно узкія рамки матеріальныхъ интересовъ. Правда, не такъ давно мнѣ случилось натолкнуться въ столичной корреспонденціи одной изъ провинціальныхъ газетъ на весьма суровый отзывъ о петербургскихъ писателяхъ. Авторъ этого отзыва съ горькимъ и не лишеннымъ презрительнаго оттенка сожалѣніемъ говорить о „разбросанности“ петербургскихъ писателей, мѣшающей имъ явить собою достойный подражанія примѣръ товарищества трудящихся. По его словамъ, писатели въ Петербургѣ „сидятъ волей-неволей по угламъ, кукусятся, въ гости другъ къ другу не ходятъ, сплетничаютъ (увы!), завистничаютъ (увы и ахъ!), кому-то въ карманѣ дули показываютъ и все это вмѣсто того, чтобы являть примѣръ“ *). Проницательный корреспондентъ, какъ видите, заглянулъ даже въ карманъ петербургскаго писателя и увидалъ тамъ дулю, но всетаки, думается мнѣ, проницательность его немногаго стоитъ. Слишкомъ многого въ жизни писателей онъ не замѣтилъ, и потому его отзывъ слишкомъ мало способенъ объяснить ихъ „разбросанность“. Самъ я второй годъ уже не живу въ Петербургѣ и потому не знаю, ходятъ-ли петербургскіе писатели другъ къ другу въ гости. Не знаю я, впрочемъ, и того, почему это важно. Надо думать, петербургскимъ писателямъ всетаки случается и теперь бывать другъ у друга въ гостяхъ, какъ случается имъ, вѣроятно, и встрѣчаться въ редакціяхъ. Но хожденіе „въ гости“ и встрѣчи въ редакціяхъ — одно, а общеніе разныхъ писательскихъ кружковъ на почвѣ общихъ интересовъ, общеніе, направленное къ созданію товарищества трудящихся, — другое. Не въ мѣру прони-

*) «Од. Новости», 6 октября 1902 г.

пательный корреспондентъ, такъ хорошо знающій, что петербургскіе писатели „куксятся, сплетничаютъ и завистничаютъ“, могъ бы, казалось, знать и то, что еще недавно въ Петербургѣ существовало такое общеніе писателей и что въ то время въ гораздо меньшей степени наблюдалась и „разбросанность“ ихъ.

За послѣднее время состоялось нѣсколько административныхъ распоряженій по дѣламъ печати. Приводимъ эти распоряженія въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они были опубликованы въ газетахъ.

Въ прошломъ году вятская губернская земская управа, руководясь тѣмъ, что въ программу „Вятской Газеты“ входитъ литературно-историческій отдѣлъ, обращалась въ главное управленіе по дѣламъ печати съ ходатайствомъ разрѣшить ей разсылку подписчикамъ „Вятской Газеты“ въ видѣ приложенія къ этой газетѣ издаваемого вятскимъ губернскимъ земствомъ „Сборника памяти Н. В. Гоголя“, въ составъ котораго должны войти: 1) очеркъ В. П. Острогорскаго: „О жизни и дѣятельности Н. В. Гоголя“, 2) „Тарасъ Бульба“, 3) „Ревизоръ“, 4) „Старосвѣтскіе помѣщики“ и 5) „Страшная месть“. Не такъ давно въ Вяткѣ полученъ отвѣтъ, что главное управленіе по дѣламъ печати не признало возможнымъ уважить это ходатайство, такъ какъ программой „Вятской Газеты“ беллетристическія произведенія не предусмотрены *)

Въ третьемъ номерѣ „Сборника Пермскаго Земства“ напечатано слѣдующее заявленіе отъ редакціи: „Вслѣдствіе запрещенія цензора „Сборника Пермскаго Земства“, пермскаго вице-губернатора, редакція вынуждена прекратить со второй книжки „Сборника“ за текущій годъ печатаніе разныхъ извѣстій о дѣятельности земскихъ учрежденій, помѣщавшихся въ „Сборникѣ“ въ теченіе многихъ лѣтъ. На таковое распоряженіе цензора губернской управою подана жалоба въ главное управленіе по дѣламъ печати“ **).

Въ столичныхъ газетахъ опубликовано слѣдующее распоряженіе: „По дошедшимъ до главнаго управленія по дѣламъ печати свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ въ текущемъ 1902 году ставилась на мѣстныхъ театрахъ пьеса Максима Горькаго подъ названіемъ „Мѣщане“ и появились анонсы о постановкѣ новой пьесы того же автора подъ названіемъ „На днѣ“. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что означенныя пьесы не внесены въ ежемѣсячно публикуемые въ „Правит. Вѣстникѣ“ списки пьесъ, разрѣшенныхъ драматическою цензурою къ представленію, и что пьеса „Мѣщане“ была сначала дозволена къ постановкѣ (съ исключеніями) только московскому худо-

*) «Р. Вѣдомости», 7 іюля 1902 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 17 октября 1902 г.

жественному театру и нынѣ разрѣшается лишь каждый разъ по особому ходатайству, главнымъ управленіемъ признано нужнымъ установить наблюденіе за тѣмъ, чтобы сцены Горькаго „Мѣщане“ разрѣшались къ постановкѣ только по экземплярамъ, скрѣпленнымъ драматическою цензурою, а также, чтобы не допускались анонсы о новой пьесѣ М. Горькаго „На днѣ“ до предъявленія цензурованныхъ экземпляровъ“ *).

По словамъ „Бессарабца“, „бессарабскій губернаторъ циркулярно сообщилъ полиціимейстерамъ и уѣзднымъ исправникамъ, что воспрещена къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ, въ читальняхъ и въ продажѣ отпечатанная безъ предварительной цензуры книга гр. Л. Н. Толстого „Дорого стоитъ“ и другія произведенія“ **).

III.

Когда въ январѣ текущаго года въ Петербургѣ было основано Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства и „связанныхъ съ нимъ отраслей народнаго труда“, многимъ представлялось, что работа, возложенная на это совѣщаніе, и въ особенности на его мѣстные органы, будетъ совершена съ чрезвычайною быстротою. Такъ, повидимому, смотрѣло на дѣло и само особое совѣщаніе, на первыхъ порахъ назначившее образованнымъ по его плану мѣстнымъ комитетамъ очень короткій срокъ для представленія ихъ мнѣній и отзывовъ. На практикѣ, однако, эти ожиданія не оправдались и уже работы мѣстныхъ комитетовъ требовали больше времени, чѣмъ первоначально предполагалось имъ удѣлить. Срокъ окончанія этихъ работъ уже очень скоро былъ отложенъ до 15 октября текущаго года, а затѣмъ продолженъ еще до февраля будущаго 1903 года.

Судя по проникающимъ въ печать свѣдѣніямъ, значительная часть уѣздныхъ комитетовъ воспользовалась этимъ временемъ для серьезной и добросовѣстной работы надъ предложеннымъ имъ вопросомъ о нуждахъ сельскаго хозяйства. Любопытнымъ показателемъ этого служить, между прочимъ, отношеніе къ уѣзднымъ комитетамъ органовъ реакціонной прессы. „Къ сожалѣнію,—писали „Московскія Вѣдомости“ еще въ началѣ сентября—о работахъ этихъ комитетовъ имѣется сравнительно мало свѣдѣній, между тѣмъ, несомнѣнно, мнѣнія исключительно мѣстныхъ людей, при томъ не связанныхъ съ разными общественными „пирогамъ“, правдивѣе живописуютъ настоящую деревенскую жизнь, чѣмъ канцелярскія заключенія „либеральныхъ“ петербургскихъ чиновниковъ и публицистовъ“ ***). Но не прошло и мѣ-

*) «Н. Время», 1 ноября 1902 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 2 ноября 1902 г.

***) «Моск. Вѣд.», 3 сент. 1902 г.

Сяца, „не износилъ и башмаковъ“ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а уже его газета успѣла радикально перемѣнить свой взглядъ и убѣдиться, что и мнѣнія уѣздныхъ комитетовъ ничего не стоятъ, и свѣдѣній объ этихъ комитетахъ имѣется черезчуръ много. „Въ комитетахъ—утверждаетъ теперь московская реакціонная газета—говорятъ обо всемъ, кромѣ именно сельскаго хозяйства, а услужливыя земцамъ газеты отвели цѣлыя рубрики отчетамъ о занятіяхъ этихъ комитетовъ“ *). „Мѣстные люди“, еще такъ недавно съ торжествомъ противопоставлявшіеся „либеральнымъ петербургскимъ чиновникамъ и публицистамъ“, теперь обращаются въ глазахъ „Моск. Вѣдомостей“ въ Бобчинскихъ и Добчинскихъ, мѣстные комитеты—въ бесплодные „говорильни“, отъ которыхъ нельзя ждать никакого толку.

Любопытно попытаться разгадать причину столь рѣзкой перемѣны взглядовъ московской газеты и столь немилостиваго ея отношенія къ мѣстнымъ комитетамъ, которые она сама же торопилась привѣтствовать. Сами „Моск. Вѣдомости“ объясняютъ свою строгость тѣмъ, что въ комитетахъ „мѣстные вопросы распливаются въ общіе“ **). По поводу одного изъ уѣздныхъ комитетовъ (Грязовецкаго), который, высказавъ свои общіе взгляды на нужды сельскаго хозяйства, прибавилъ, что, за недостаткомъ времени и подготовки для основательной разработки поставленныхъ программой особаго совѣщанія специальныхъ вопросовъ, онъ поневолѣ вынужденъ отвѣчать на нихъ лишь выраженіемъ благихъ пожеланій, названная газета съ явной попыткой на иронию замѣчаетъ: „Грязовецкій уѣздный комитетъ, отвѣчая общими пожеланіями и фразами на отдѣльные пункты программы особаго совѣщанія, полагаетъ, очевидно, что онъ гораздо легче можетъ дать указанія министерству финансовъ относительно общей финансовой политики, министерству народнаго просвѣщенія—относительно цѣлей и способовъ народнаго образованія, а министерству юстиціи и государственному совѣту—объясненіе коренной причины нарушенія правъ собственности и на способы радикальнаго устраненія такихъ нарушеній“ ***). Въ сущности, однако, собака зарыта не здѣсь и это очень не трудно показать.

Чуть-ли не единственнымъ комитетомъ, работы котораго вы звали безусловныя похвалы „Моск. Вѣдомостей“, является Чернскій уѣздный комитетъ. Московская газета посвятила три обширныя статьи изложенію и восхваленію спасительныхъ для сельскаго хозяйства проектовъ, возбужденныхъ въ этомъ комитетѣ небезызвѣстнымъ нашей печати г. Бодиско. И эти проекты, дѣйствительно, заслуживаютъ извѣстнаго вниманія. По мнѣнію г. Бо-

*) «Моск. Вѣд.», 28 сент. 1902 г.

**) «Моск. Вѣд.», 28 сент. 1902 г.

***) «Моск. Вѣд.», 23 сент. 1902 г.

диско, для достиженія дѣйствительной охраны сельско-хозяйственной собственности „желательно реформировать существующія узаконенія“ на слѣдующихъ началахъ: „1) Предоставить въ необходимыхъ случаяхъ право защиты собственности оружіемъ. 2) Необходимо безукоснительное присужденіе къ наказаніямъ и взысканіямъ за всякіе проступки противъ собственности, какъ бы таковыя ни были малозначительны, дабы карался не столько фактъ, сколько нарушенный принципъ и, конечно, независимо отъ причинъ, коими поступокъ вызванъ. 3) Необходимо измѣненіе системы наказаній, въ особенности возможно меньшимъ пользованіемъ тюремнымъ заключеніемъ, гдѣ отбывающіе болѣе развращаются средой, чѣмъ исправляются. Тюремное заключеніе слѣдуетъ замѣнить: или заключеніемъ одиночнымъ, съ сокращеніемъ сроковъ его, или дисциплинарными работами; къ несовершеннолѣтнимъ же слѣдуетъ примѣнять наказаніе розгами. 4) Такъ какъ въ мелкихъ проступкахъ противъ собственности бывають часто погрѣшны малолѣтніе, необходимо привлекать къ отвѣтственности родителей за то, что не воспитываютъ въ дѣтяхъ уваженія къ чужой собственности. 5) При проступкахъ противъ собственности сельскихъ обществъ коллективно, при потравахъ общественными стадами и табунами, при порубкахъ и т. д. должна быть введена коллективная отвѣтственность, гражданская и уголовная. 6) Необходимо выработать узаконенный порядокъ для производства обысковъ по деревнямъ въ случаѣ подозрѣнія въ сокрытіи краденаго лѣса или иныхъ предметовъ. 7) Необходимо примѣненіе болѣе строгихъ мѣропріятій противъ нищенства, когда таковымъ занимаются люди, способные къ труду“. „Для предупрежденія пожаровъ“ г. Бодиско, а за нимъ и вообще Чернскій комитетъ, считаютъ „въ высшей мѣрѣ необходимымъ“—„установленіе строгой кары грозителямъ *) и немедленное подчиненіе ихъ полицейскому надзору, при объявленіи, что, въ случаѣ возникновенія пожара, грозитель будетъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ поджигатель“, такъ какъ „такимъ путемъ грозитель не только потерпитъ наказаніе, но даже явится до нѣкоторой степени охранителемъ селенія отъ поджога“. „Если—проектируетъ далѣе г. Бодиско—вслѣдъ за угрозой дѣйствительно произойдетъ пожаръ отъ поджога, грозитель долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за поджогъ и во всякомъ случаѣ присужденъ къ наказанію, хотя бы въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ поджигатель, если совершеніе преступленія будетъ не доказано **). Я не собираюсь сейчасъ разбирать проекты г. Бодиско по существу и думаю даже, что они вообще не нуждаются въ такомъ

*) Т. е. лицамъ, угрожающимъ поджогомъ. Языкъ и орфографія г. Бодиско вообще сохранены мною безъ измѣненій.

**) «Моск. Вѣдомости», 4 и 5 сент. 1902 г.

разборѣ. Во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что и эти курьезные проекты выходятъ далеко за предѣлы тѣснаго круга „мѣстныхъ вопросовъ“. Авторъ приведенныхъ курьезовъ также желаетъ „реформировать существующія узаконенія“, также стремится дать „объясненіе коренной причины нарушенія правъ собственности“ и указать „способы радикальнаго устраненія такихъ нарушеній“. Но все это нисколько не мѣшаетъ „Моск. Вѣдомостямъ“ восхвалять г. Бодиско и пошедшій по его стопамъ Чернскій комитетъ. Эти восхваленія помогаютъ найти истинную причину суровости, проявляемой реакціонной газетой по отношенію къ мѣстнымъ комитетамъ особаго совѣщанія. Ея негодование возбуждается, очевидно, не тѣмъ, что въ комитетахъ возбуждаются „общіе вопросы“, а тѣмъ, что послѣдніе разрѣшаются не согласно съ проповѣдываемыми ею взглядами.

Съ этой точки зрѣнія „Московскія Вѣдомости“ имѣютъ, дѣйствительно, серьезныя основанія для недовольства. „Мѣстные люди“, призванные высказать свое мнѣніе о нуждахъ деревни, проявили въ общемъ совершенно не тѣ желанія, какія столько времени провозглашала отъ ихъ имени реакціонная печать. Правда, нельзя было бы сказать, что исключительно сословныя и классовыя вожделѣнія вовсе не нашли себѣ мѣста въ дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ. Не въ одномъ Чернскомъ уѣздѣ сдѣлана была попытка обратить мѣстные комитеты въ орудіе узко понятыхъ владѣльческихъ выгодъ и выставить программу, ведущую къ подчиненію всей жизни крестьянства интересамъ помѣщичьей усадьбы. Но, по крайней мѣрѣ, среди тѣхъ комитетовъ, о работахъ которыхъ имѣются свѣдѣнія въ печати, подобныя попытки были немногочисленны и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ увѣнчивались успѣхомъ. По большей же части мѣстные комитеты счумѣли удержаться на болѣе широкой почвѣ нуждъ сельскаго хозяйства, не отождествляя послѣдняго исключительно съ хозяйствомъ помѣщичьимъ.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ неизбежно долженъ былъ вывести обсуждавшіе его комитеты на вполне опредѣленную дорогу „общихъ вопросовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, было бы крайне трудно доказать, что мѣстные комитеты, запрошенные о нуждахъ сельскаго хозяйства, переживающаго, по признанію правительства, тяжелый и общій кризисъ, могутъ въ своихъ отвѣтахъ ограничиться указаніемъ на спеціальныя нужды своихъ уѣздовъ. Конечно, такія спеціальныя нужды, не имѣющія отношенія къ другимъ мѣстностямъ, существуютъ почти въ каждомъ уѣздѣ: въ одномъ нужно облѣсить пески, въ другомъ—высушить болота, въ третьемъ—устроить орошеніе безводныхъ мѣстностей, въ четвертомъ позаботиться о сокращеніи овраговъ, въ пятомъ—принять мѣры къ улучшенію породы скота и т. д. Но государственная власть не можетъ ни разбирать всѣ эти частныя нужды от-

дѣльныхъ хозяйствъ, ни, тѣмъ болѣе, принимать на себя заботу объ ихъ удовлетвореніи. Мало того, — если бы всѣ бѣды сельскаго хозяйства ограничивались такого рода нуждами, не могло бы быть и рѣчи о переживаемомъ имъ тяжеломъ кризисѣ. Между тѣмъ этотъ кризисъ на лицо и никто не рѣшается оспаривать того, что онъ имѣетъ почти одинаковое значеніе для самыхъ разнообразныхъ угловъ Россіи. Подобное положеніе могло создаться лишь на почвѣ общихъ условій, обезсиливającychъ работу сельскаго хозяина и лишаящихъ его возможности собственными силами вести сколько-нибудь плодотворную борьбу съ частными препятствіями, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ неизбежны въ такой же мѣрѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Въ виду этого со стороны лицъ, призванныхъ къ участию въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, было совершенно естественно главною своею задачею поставить выясненіе именно этихъ общихъ условій, поскольку они сказываются въ жизни данной мѣстности.

Правда, не всѣ комитеты пошли по этой дорогѣ. Предсѣдатели нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ нашли нужнымъ энергически устранять всѣ предложенія и сужденія членовъ по вопросамъ обще-экономическимъ, податнымъ, правовымъ, земскимъ, культурно-образовательнымъ и т. п., какъ „совершенно не относящіяся къ дѣлу“. Такъ было въ Слободскомъ комитетѣ (Вятской губ.) и въ нѣкоторыхъ другихъ *).

Въ другихъ случаяхъ и всѣ члены комитета, или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, считали необходимымъ обращать свое вниманіе исключительно на частныя нужды и искать помощи для сельскаго хозяйства въ болѣе или менѣе мелкихъ специальныхъ мѣропріятіяхъ. Такъ, Меленковский уѣздный комитетъ (Владимірской губ.) въ видахъ помощи сельскому хозяйству рекомендовалъ основаніе субсидируемыхъ правительствомъ сельскохозяйственныхъ обществъ, которыя имѣли бы опытныхъ инструкторовъ и завѣдывали продажей машинъ и искусственныхъ удобрений. Подобнымъ же образомъ и Варшавскій губернский комитетъ главное свое вниманіе сосредоточилъ на образованіи сельскохозяйственныхъ обществъ и заведеніи инструкторовъ **). Аналогичные по своему значенію вопросы и проекты были выдвигаемы въ работахъ и еще нѣсколькихъ комитетовъ. Но пальма первенства въ дѣлѣ разысканія частныхъ причинъ общаго кризиса сельскаго хозяйства принадлежитъ, кажется, Игуменскому комитету (Минской губ.), рѣшившему обратить вниманіе правительства на тотъ вредъ, какой причиняютъ хозяйству гуси. „Обладая большою подвижностью, — говорилъ одинъ изъ ораторовъ этого комитета — гуси весьма легко проникаютъ въ чужія вла-

*) «Русскія Вѣдомости», 4 сентября 1902 г.

**) «Русскія Вѣдомости», 11 авг. и 5 окт. 1902 г.

дѣнія, но такъ осторожны и хитры, что при обнаруженіи ихъ на потравѣ не всегда поддаются задержанію; обыкновенно въ такомъ случаѣ они улетаютъ, вслѣдствіе чего потерпѣвшій рѣдко имѣетъ возможность узнать ихъ хозяина и потребовать отъ него вознагражденія за убытокъ“. Въ виду такой хитрости гусей, не желающихъ подвергаться аресту, почтенный ораторъ признавалъ необходимымъ дополнить правила объ охраненіи полей примѣчаніемъ, въ силу котораго потерпѣвшій отъ потравы могъ бы защищать отъ гусей свои поля и огороды огнестрѣльнымъ оружіемъ, и Игуменскій комитетъ постановилъ записать это заявленіе въ протоколъ *).

Повидимому, однако, лишь небольшая часть мѣстныхъ комитетовъ рѣшилась заключить вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства въ столь узкія рамки, лишающія этотъ вопросъ всего въ дѣйствительности принадлежащаго ему значенія. По крайней мѣрѣ, большинство тѣхъ комитетовъ, о которыхъ есть свѣдѣнія въ печати, взглянуло на дѣло иными глазами и поставило свою работу гораздо шире, приурочивъ ее къ освѣщенію общихъ нуждъ сельскаго хозяйства. Едва-ли простою случайностью явилось при этомъ то обстоятельство, что наиболѣе широкую постановку такая работа пріобрѣла тамъ, гдѣ въ совѣщаніяхъ комитетовъ приняты видное участіе земскіе дѣятели. Составъ уѣздныхъ комитетовъ, какъ извѣстно, поставленъ въ зависимость отъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предводители, сознавая всю важность порученнаго имъ дѣла, нашли нужнымъ пригласить къ участію въ комитетскихъ совѣщаніяхъ всѣхъ земскихъ гласныхъ уѣзда **), во многихъ другихъ случаяхъ въ уѣздные комитеты было приглашено большое число земскихъ гласныхъ, и именно эти комитеты, поставленные въ извѣстную связь съ земствомъ, проявили наибольшую энергію и наиболѣе широкое пониманіе своей задачи. Громадное большинство этихъ комитетовъ начало свои занятія съ признанія невозможности ограничиться обсужденіемъ лишь вопросовъ, включенныхъ въ разосланную мѣстнымъ комитетамъ программу особаго совѣщанія. Въѣстѣ съ тѣмъ очень многіе комитеты указывали, что въ интересахъ правильнаго выясненія этихъ нуждъ къ дѣлу такого выясненія слѣдовало бы привлечь земскія учрежденія. „Если—говорится по этому поводу въ одномъ изъ принятыхъ Темниковскимъ комитетомъ докладовъ—особое совѣщаніе признало, что „едва-ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи

*) «Русскія Вѣдомости», 5 окт. 1902 г.

**) Такимъ путемъ были образованы комитеты въ уѣздахъ Лохвицкомъ, Темниковскомъ, Александровскомъ, Ветлужскомъ, Грязовецкомъ, Рузскомъ, Богородицкомъ, Балахнинскомъ, Тамбовскомъ, Суджанскомъ, Новомосковскомъ и нѣкоторыхъ другихъ.

нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя потребности“, то очевидно, что такое мнѣніе можетъ быть представлено только земскими учрежденіями, которыя являются единственными представителями всего населенія. Земство имѣетъ въ этомъ отношеніи большой опытъ и авторитетъ, теоретическій и практический; земство явится въ большинствѣ случаевъ исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, что должно придать его отзывамъ большую жизненность и силу; земство обладаетъ въ лицѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій обширной организаціей, при помощи которой только и возможно болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить задачу выясненія сельскохозяйственныхъ нуждъ населенія“ *).

Приблизительно такіе же аргументы высказывались и во многихъ другихъ комитетахъ, равнымъ образомъ рѣшившихъ указать на желательность привлеченія земства къ обсужденію нуждъ сельскохозяйственной промышленности.

Эти рѣшенія комитетовъ вызываютъ сильное негодованіе въ извѣстной части нашей печати. „Занятія комитетовъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ—не то иронически, не то ядовито замѣчаютъ „Московскія Вѣдомости“—сводятся лишь къ защитѣ земства и въ этой защитѣ проглядываетъ какъ будто заранѣе обдуманное, по предварительнымъ сношеніямъ, рѣшеніе причастныхъ къ земству лицъ“ **). „Заранѣе обдуманное, по предварительнымъ сношеніямъ, рѣшеніе“,—неправда-ли, какъ это похоже на „совершенное по заранѣе обдуманному намѣренію и предварительному уговору преступленіе“? Послѣдовательности ради, почтенная газета, обнаруживающая такое явное пристрастіе къ „юридическому“ стилю, должна была бы, однако, пойти въ своихъ инсинуаціяхъ и дальше, распространивъ ихъ въ равной мѣрѣ и на лицъ, къ земству непричастныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о пользѣ земскихъ учреждений для правильного развитія сельскаго хозяйства говорятъ и такіе комитеты, въ которыхъ нѣтъ на лицо ни одного земца. Каневскій уѣздный комитетъ „постановилъ, что для проведенія въ жизнь всѣхъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій, какія будутъ выработаны особымъ совѣщаніемъ, необходимо введеніе въ Кіевской губерніи земскихъ учреждений, такъ какъ безъ дружной работы всѣхъ классовъ населенія, безъ живого участія общественнаго элемента въ этой работѣ и безъ гласнаго ея контроля, всѣ выработанныя мѣры могутъ оказаться мертворожденными“. Къ тому же заключенію пришли Липовецкій, Звенигородскій и Таращанскій комитеты ***).

Въ Новой-Ушицѣ (Подольской губ.) комитетъ „единогласно при-

*) «Р. Вѣд.», 8 авг. 1902 г.

**) «Моск. Вѣд.», 28 сент. 1902 г.

***) «Кіевлянинъ», 3 и 4 сент. 1902 г.

зналъ, что для проведенія въ жизнь проектируемыхъ особымъ совѣщаніемъ улучшеній необходимо введеніе въ край земства по положенію 1864 г.“, при чемъ „это заключеніе комитета было поддержано и бывшими въ засѣданіи представителями духовенства“ *). Въ свою очередь, Новоградволинскій уѣздный комитетъ „единогласно постановилъ ходатайствовать о введеніи въ Волинской губерніи земства на общихъ съ земскими губерніями основаніяхъ“ **). [Въ Таганрогскомъ комитетѣ представитель мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества внесъ, отъ имени послѣдняго, заявленіе, что для дѣйствительной помощи сельскому хозяйству необходимо созданіе въ край земскихъ учреждений ***). Въ пользу введенія земства высказался и Ростовскій-на-Дону окружной комитетъ ****). Съѣздъ сельскихъ хозяевъ Кубанской области, признавая, что „административныя учрежденія не въ силахъ и по существу не могутъ широко выполнить сложную задачу опредѣленія и удовлетворенія нуждъ хозяйственной жизни мѣстнаго населенія и развитія его самостоятельности“, постановилъ „ходатайствовать о созданіи въ Кубанской области учреждений, составленныхъ изъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія представителей, при чемъ этимъ учрежденіямъ должно быть предоставлено право обложенія мѣстнаго населенія и право расходованія полученныхъ такимъ путемъ суммъ, въ интересахъ удовлетворенія нуждъ хозяйственной жизни мѣстнаго населенія“ *****) Съ точки зрѣнія „Моск. Вѣдомостей“ всѣ участники только что перечисленныхъ совѣщаній, надо полагать, являются преступниками, быть можетъ, еще отягчающими свою вину „заранѣе обдуманномъ рѣшеніемъ“. Но съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, не постигающаго, какъ можно въ важныхъ дѣлахъ выступать съ рѣшеніями, не обдуманными заранѣе, дѣло обстоитъ не такъ ужъ страшно. Если даже обыватели мѣстностей, въ которыхъ еще отсутствуютъ земскія учрежденія, находятъ, что только участіе послѣднихъ явится гарантіей плодотворности мѣропріятій, направленныхъ на помощь сельскому хозяйству, то тѣмъ естественнѣе обывателямъ земскихъ губерній держаться того же мнѣнія и желать, чтобы предположенныя мѣропріятія были обсуждены при помощи земства. Та симпатія общества къ мѣстному самоуправленію, какая сказывается во всѣхъ этихъ заявленіяхъ, конечно, непріятна „Моск. Вѣдомостямъ“, но она не должна бы являться для нихъ неожиданностью. Впрочемъ, наши реакціонеры, никогда не трудившіеся сколько-нибудь

*) «Од. Новости», 8 окт. 1902 г.

**) «Спб. Вѣдом.», 6 окт. 1902 г.

***) «Од. Новости», 29 сент. 1902 г.

****) «Спб. Вѣдом.», 28 сент. 1902 г.

*****) «Нов. Время», 4 окт. 1902 г.

внимательно вглядываться въ русскую жизнь, счумѣли совершенно проглядѣть ея развитіе и благодаря этому въ послѣднее время испытываютъ одно разочарованіе за другимъ. Такъ, между прочимъ, разочаровались они и въ „мѣстныхъ людяхъ“, на которыхъ возложили было твердое упованіе, и это разочарованіе, повидимому, особенно сильно огорчило ихъ, не сообщивъ, однако, имъ ни большаго миролюбія, ни большей проницательности.

Во всякомъ случаѣ, утверждая, что работы мѣстныхъ комитетовъ „сводятся лишь къ защитѣ земствъ“, „Моск. Вѣдомости“, по давно усвоенному ими обыкновенію, далеко отошли отъ истины. Выражая пожеланія о привлеченіи земства къ обсужденію нуждъ сельскаго хозяйства, многіе комитеты и съ своей стороны немало поработали для усиленнаго разрѣшенія поставленной имъ задачи. Прежде всего важенъ уже общій принципъ, выставленный въ этихъ работахъ. Кіевскій губернаторъ, открывая засѣданіе мѣстнаго губернскаго комитета, высказался въ томъ смыслѣ, что „уѣздные комитеты въ своей работѣ должны обращать преимущественное вниманіе на нужды крестьянскаго хозяйства“ *). Та, несомнѣнно, вполне правильная, точка зрѣнія, какая выразилась въ этихъ словахъ, многими комитетами была усвоена, независимо отъ всякихъ указаній со стороны. „Вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности—заявлялъ въ Борисоглѣбскомъ уѣздномъ комитетѣ предсѣдатель мѣстной земской управы, г. Измайловъ,—есть прежде всего вопросъ о нуждахъ и положеніи крестьянъ, такъ какъ крестьяне, являясь преимущественно, если не исключительно, земледѣльческимъ классомъ, составляютъ 80 процентовъ всего населенія Россіи“ **). „Вопросъ сельско-хозяйственный—говорилъ въ Черниговскомъ комитетѣ предсѣдатель мѣстной уѣздной управы г. Тризна—въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу крестьянскому.“ По мнѣнію предсѣдателя Грязовецкой земской управы, высказанному въ принятой мѣстнымъ комитетомъ запискѣ, „въ виду того, что громадное большинство русскихъ сельскихъ хозяевъ—крестьяне, да и въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ крестьяне являются работниками или арендаторами, ихъ правовое, культурное и экономическое положеніе имѣетъ громадное вліяніе на состояніе сельскаго хозяйства“ ***). Приблизительно такой же взглядъ былъ принятъ и съ большею или меньшею послѣдовательностью проведенъ въ работахъ цѣлаго ряда уѣздныхъ комитетовъ.

Признавъ, что правильное развитіе сельскаго хозяйства задерживается серьезными общими препятствіями и что нужды сель-

*) «Кіевлянинъ», 4 сент. 1902 г.

**) «Спб. Вѣдом.», 11 сент. 1902 г.

***) «Спб. Вѣдом.», 24 сент.; «Р. Вѣдом.», 20 авг. 1902 г.

скаго хозяйства являются главнымъ образомъ нуждами крестьянскаго населенія, комитеты самыхъ различныхъ мѣстностей имперіи пришли къ одинаковымъ заключеніямъ насчетъ истиннаго характера этихъ нуждъ. Согласно указаніямъ, сдѣланнымъ во многихъ комитетахъ и подтвержденнымъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, никакія серьезныя и прочныя улучшенія въ области сельскаго хозяйства представляются невозможными, пока масса крестьянскаго населенія остается лишенною благъ даже элементарнаго образованія. „Достаточно сослаться — говорилъ въ засѣданіи смоленскаго уѣзднаго комитета его предсѣдатель — на такой фактъ, что послѣдней переписью 1897 г. въ нашемъ уѣздѣ обнаружено 109 селеній, въ которыхъ совершенно не оказалось грамотныхъ дѣтей, да и общій уровень дѣтской грамотности опредѣляется для нашего уѣзда въ 5,7 на 100 душъ обоюго пола. А между тѣмъ едва-ли надо говорить о томъ вліяніи, какое оказываетъ на матеріальное благосостояніе населенія степень его образованности“ *). Сознвая важность этого вліянія, рядъ уѣздныхъ комитетовъ нашелъ нужнымъ въ своихъ заключеніяхъ прежде всего подчеркнуть тотъ фактъ, что для успѣшности „распространенія сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній“, о которомъ говоритъ программа особаго совѣщанія, необходима наличность среди населенія извѣстнаго общаго образованія и развитія. Признаніе тѣсной связи между тяжелымъ положеніемъ сельскаго хозяйства и жалкимъ состояніемъ народнаго образованія въ странѣ привело устанавливавшіе такую связь комитеты къ заключенію о необходимости предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія фактической общедоступности народнаго образованія и облегчить распространеніе внѣшкольнаго просвѣщенія. Указывая на необходимость увеличить размѣръ средствъ, затрачиваемыхъ государствомъ на всѣ виды народнаго образованія, многіе изъ уѣздныхъ комитетовъ наряду съ этимъ высказывали настойчивыя пожеланія, чтобы поднять былъ самый уровень народной школы и были уничтожены разнообразныя ограниченія, стѣсняющія въ настоящее время широкое примѣненіе частной и общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Для освобожденія русской деревни изъ-подъ давящей ее тяжести умственнаго мрака, по словамъ одного изъ членовъ Грязовецкаго комитета, „требуется не жалкіе палліативы въ видѣ церковно-приходскихъ школъ, земскихъ начальныхъ училищъ или скромныхъ по своимъ размѣрамъ и еще болѣе по своему содержанію библіотечекъ съ ограниченными каталогами, а необходимы мѣры радикальныя, измѣненія коренныя, обоснованныя на правильной системѣ“ **).

*) «Спб. Вѣдомости», 4 сент. 1902 г.

**) «Р. Вѣдомости», 20 авг. 1902 г.

Наряду съ отсутствіемъ въ деревнѣ образованія уѣздные комитеты нашли возможнымъ отмѣтить и другое важное препятствіе, мѣшающее развитію сельскаго хозяйства. „Какія бы мѣропріятія для поднятія сельскаго хозяйства ни принимались,—говорится по этому поводу въ одной изъ заслушанныхъ и принятыхъ Рузскимъ комитетомъ записокъ—какія бы жертвы ни дѣлало государство въ интересахъ этой коренной отрасли народнаго труда, всё эти мѣропріятія не принесутъ надлежащихъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока не предоставлено будетъ частнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ права свободнаго развитія самостоятельности“ *). Проявленіе какой бы то ни было самостоятельности представляется особенно затруднительнымъ для крестьянскаго населенія, рѣзко отличающагося въ своихъ гражданскихъ правахъ отъ всѣхъ другихъ сословій. Яркое и выразительно было обрисовано значеніе этихъ отличій однимъ изъ крестьянъ Ковровскаго уѣзда, приглашеннымъ въ мѣстный комитетъ. По его словамъ, для поднятія сельскаго хозяйства необходимы прежде всего „реформы крестьянскаго положенія“, такъ какъ и причиной упадка сельскаго хозяйства является, главнымъ образомъ, то „давательное“ положеніе, въ которомъ находится крестьянство. „Кого порятъ розгой?—говорилъ онъ.—Крестьянина. Кого сажаютъ подъ арестъ?—крестьянина. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ—всѣ имѣютъ свои права, только не имѣетъ ихъ крестьянинъ. Я, вотъ, крестьянинъ: меня пригласили на засѣданіе и я говорю, а если кому-нибудь мои слова не понравятся, завтра же меня посадятъ подъ арестъ и некому мнѣ жаловаться. Если вникнуть въ крестьянское положеніе, посмотрѣть на житіе крестьянина, особенно въ зимнее время: черная изба, холодъ, голодъ, то это такое горе, котораго нельзя словами описать. Крестьянское положеніе поставлено у насъ самымъ низшимъ. Поэтому богатый уходитъ изъ крестьянства, остаются только бѣдные. Необходимо поднять крестьянское положеніе, сдѣлать его высшимъ, тогда только поднимется и крестьянское хозяйство“ **). Съ большею систематичностью, но не съ меньшею опредѣленностью, тѣ же мысли были высказаны въ засѣданіи Смоленскаго уѣзднаго комитета мѣстнымъ предводителемъ дворянства. „Вмѣстѣ съ ростомъ всей нашей общественности и распространеніемъ образованія въ народной средѣ—говорилъ послѣдній—растетъ и личность крестьянина, развивается его общественное сознаніе и потребность въ самоопредѣленіи. Но всѣ стремленія этого рода встрѣчаютъ на своемъ пути многочисленныя и тяжелыя препятствія. Самостоятельности и почину крестьянина негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своей надѣльной землей крестьяне связаны по ру-

** «Р. Вѣд.», 23 авг. 1902 г.

*) «Спб. Вѣдомости», 22 сент. 1902 г.

камъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица, не говоря уже о томъ, что такія явленія, какъ семейные раздѣлы и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о подъемѣ хозяйственной дѣятельности крестьянина. Самодѣтельность, починъ, широкій кругозоръ, смѣлая инициатива и увѣренность въ своихъ силахъ, — всѣ эти условія, столь необходимы для развитія хозяйственной дѣятельности, — могутъ ли имѣть они мѣсто при современномъ положеніи вещей? Немалыя препятствія встрѣчаютъ и стремленія населенія къ разнаго рода коопераціямъ. Для полученія разрѣшенія на открытіе какого-нибудь общества, товарищества, бібліотеки и т. п. приходится производить массу совершенно излишнихъ хлопотъ, притомъ очень часто оказывающихся и безрезультатными. Да и въ случаѣ полученія разрѣшенія дѣятельность обществъ ставится зачастую въ такія рамки, которыя лишаютъ ее серьезнаго значенія. При существующихъ условіяхъ „законодательная дѣятельность отстаеетъ отъ жизни, а не идетъ наравнѣ съ ней, законъ превращается въ мертвую букву. Новые законы создаются въ бюрократическихъ кабинетахъ, при предположеніи, что выслушиваніе мнѣній тѣхъ, чьи нужды они должны удовлетворить, можетъ только повредить дѣлу. Самая организація процесса у насъ способна подрывать въ населеніи чувство законности и уваженія къ суду. Функционирующій у насъ волостной судъ, съ волостнымъ писаремъ во главѣ, не имѣетъ ничего общаго съ юриспруденціей и подчиненъ непосредственно земскому начальнику. Съ закономъ 89 г. мы отступили отъ основнаго принципа судебной организаціи — отдѣленія судебной власти отъ административной. Взятничество въ волостныхъ судахъ и усмотрѣніе должностныхъ лицъ въ камерахъ земскаго начальника стали весьма обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, съ одной стороны, въ томъ, что можно добиться всего за взятку, а съ другой — что должностныя лица пользуются полнѣйшей безнаказанностью и всемогуществомъ. И то, и другое не можетъ, конечно, способствовать укрѣпленію въ населеніи чувства законности“ *).

Выясненію спеціальныхъ условій современнаго крестьянскаго суда, между прочимъ, посвящена любопытная записка, внесенная въ Суджанскій комитетъ однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Какъ указывается въ этой запискѣ, правильному функціонированію волостныхъ судовъ препятствуютъ и неудачная ихъ организація, и частая неграмотность судей, и то сильное вліяніе, какое оказываютъ на послѣднихъ волостные старшины, писаря и другія

*) «Спб. Вѣдомости», 4-го сент. 1902.

лица сельской администраціи. Съ преобразованіемъ суда по закону 1889 г. роль въ судѣ этихъ лицъ не уменьшилась. Должность волостныхъ судей изъ числа избранныхъ сельскимъ населеніемъ кандидатовъ всегда занимаютъ тѣ лица, которыя на руку старшинѣ и писарю, такъ какъ при утвержденіи кандидатовъ земскіе начальники руководствуются указаніями волостныхъ старшинъ и писарей. Такимъ образомъ, волостной судъ пополняется по преимуществу лицами, лишенными всякой самостоятельности и рѣшительно не отвѣчающими своему назначенію. Въ большинствѣ случаевъ такой составъ суда разсѣкаетъ судебный гордіевъ узелъ очень просто: чья изъ двухъ, просителя или отвѣтчика, чаша съ деньгами, продуктами и водкой тяжелѣе потянетъ, тотъ и выиграетъ дѣло. Составить рѣшеніе, подтасовать показанія свидѣтелей, мотивировку въ ту или другую сторону — дѣло уже рукъ дѣлопроизводителя. Между тѣмъ компетенція волостного суда очень широка: онъ разрѣшаетъ многія уголовныя дѣла, имѣя право налагать на виновныхъ наказанія до 20 ударовъ розгами и 30 сутокъ ареста или до 30 сутокъ ареста и 30 р. штрафа, онъ же вѣдаетъ и гражданскіе иски: до 300 р. — всякіе споры и тяжбы, кромѣ дѣлъ о правѣ собственности и т. п., до 500 р. — о наслѣдственномъ имуществѣ, не входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, и безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ надѣла. Неправильности и подкупности такого суда немало содѣйствуетъ и ничтожное вознагражденіе судей. Судьи получаютъ до 60 р. въ годъ, предсѣдатель до 100 р., и за это они обязаны отдавать на разбирательство дѣлъ до 200 и болѣе дней въ теченіе года. Съ другой стороны, апелляціонныя и кассационныя инстанціи далеко не всегда могутъ выяснить неправильность рѣшенія волостного суда, благодаря какъ полному отсутствію у народа самыхъ элементарныхъ познаній о своихъ юридическихъ правахъ и обязанностяхъ, такъ и постановкѣ дѣла въ этихъ инстанціяхъ. Земскій начальникъ, разрѣшая своею властью нѣкоторыя дѣла, безъ вызова и допроса сторонъ, а лишь на основаніи записей и рѣшеній волостного суда, въ большинствѣ случаевъ скомбинированныхъ и направленныхъ въ одну сторону, не можетъ судить о степени правосудности этихъ рѣшеній. Уѣздные же сѣзды и губернскія присутствія обыкновенно совершенно игнорируютъ то, что крестьянскій судъ построенъ на неписанномъ обычномъ правѣ и „внутреннемъ убѣжденіи судей“ и, основывая свои рѣшенія исключительно на обще-гражданскихъ законахъ вообще и на X томѣ Свода Законовъ въ особенности, тѣмъ самымъ разбиваютъ весь строй и укладъ крестьянской жизни. То же обстоятельство, что въ этихъ учрежденіяхъ лишь очень слабо представленъ юридическій элементъ, въ свою очередь вредно отзывается на правильности толкованія ими законовъ. Вдобавокъ, и самый порядокъ рассмотре-

нія дѣлъ въ уѣздныхъ сѣздахъ и губернскихъ присутствіяхъ представляется мало удовлетворительнымъ. Уѣздные сѣзды для разбора дѣлъ назначаютъ въ мѣсяцъ два дня, а на самое слушаніе дѣлъ употребляютъ въ дѣйствительности за два дня отъ 6 до 8 часовъ и за это время разрѣшаютъ отъ 100 до 200 дѣлъ судебныхъ, да отъ 20 до 40 административныхъ. Такимъ образомъ, на каждое дѣло приходится около 1½ минутъ, и этого времени хватаетъ не только на вызовъ сторонъ и свидѣтелей, но и на докладъ дѣла, спросъ сторонъ и свидѣтелей и постановленіе резолюціи. „Маленькіе сенаты“ — губернскія присутствія приблизительно за такое же, если не меньшее время, рассматриваютъ дѣла въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ сѣзды. Въ значительной степени такая быстрота въ рѣшеніи дѣлъ объясняется тѣмъ, что члены названныхъ учрежденій смотрятъ на свою судебную дѣятельность исключительно, какъ на тяжелую повинность, и въ уѣздномъ сѣздѣ дѣла рѣшаются въ сущности единоличнымъ мнѣніемъ заранѣе рассматривающаго ихъ уѣзднаго члена, къ которому пассивно присоединяются его товарищи, а въ губернскомъ присутствіи такая же роль принадлежитъ непремѣнному члену. Во всякомъ случаѣ благодаря такому положенію дѣла волостные судьи, призванные разбирать вопросы, по своей юридической важности и тонкости совершенно не подходящіе къ ихъ компетенціи, и въ апелляціонныхъ и кассационныхъ инстанціяхъ не имѣютъ установленій, способныхъ исправить недостатокъ ихъ рѣшенія, а, слѣдовательно, и все крестьянское судопроизводство оказывается поставленнымъ въ условія, имѣющія мало общаго съ правосудіемъ *).

Исходя изъ такихъ и подобныхъ имъ соображеній и указаній, цѣлый рядъ уѣздныхъ комитетовъ постановилъ признать необходимымъ, въ интересахъ поднятія сельскаго хозяйства, уравниеніе крестьянства въ правахъ съ другими сословіями и ходатайствовать о такомъ уравниеніи передъ особымъ совѣщаніемъ. Такое рѣшеніе принято въ комитетахъ Темниковскомъ, Александровскомъ, Грязовецкомъ, Рузскомъ, Казанскомъ, Епифанскомъ, Новомосковскомъ, Нижегородскомъ, Балахнинскомъ, Смоленскомъ, Рязанскомъ, Суджанскомъ, Елизаветградскомъ, Новоторжскомъ, Ковровскомъ, Горбатовскомъ, Черниговскомъ, Вологодскомъ, Борисоглѣбскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣкоторые совѣщанія, какъ напримѣръ, Новоторжскій и Рузскій комитеты и Бессарабское общество садоводства, къ этой общей формулѣ присоединили еще особыя пожеланія относительно необходимости уничтоженія тѣлеснаго наказанія, какъ наиболѣе унижающаго личность крестьянина.

Трактуя вопросъ о сравненіи крестьянъ въ правахъ съ дру-

*) «Спб. Вѣд.», 1 авг. 1902 г.

гими сословіями, Нижегородскій уѣздный комитетъ призналъ, между прочимъ, желательнымъ возвращеніе къ прежней системѣ выборовъ гласныхъ въ земскія собранія отъ сельскихъ обществъ, такъ какъ въ настоящее время крестьянское представительство въ земствѣ является совершенно фиктивнымъ. Постановленія о желательности измѣненія дѣйствующей выборной системы въ смыслѣ увеличенія числа гласныхъ отъ крестьянъ сдѣланы были также въ комитетахъ Борисоглѣбскомъ, Козловскомъ и Грязовецкомъ *). Но сверхъ того многіе комитеты признали необходимымъ въ интересахъ большей успѣшности мѣропріятій земства на пользу сельскаго хозяйства произвести и болѣе коренную перестройку существующей земской организаціи, частью въ видѣ возвращенія земству его прежнихъ правъ, частью въ видѣ созданія на-ново такихъ условій, которыя обезпечили бы земству болѣе самостоятельность и устойчивость. Такъ, въ запискѣ Костромской управы, представленной въ мѣстный комитетъ, было указано на желательность возвращенія продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земства и отмѣны закона о фиксаціи земскихъ расходовъ; постановленія, признающія желательность отмѣны этого послѣдняго закона, были приняты также въ Грязовецкомъ и Козловскомъ комитетахъ **). Рядъ комитетовъ, въ томъ числѣ Грязовецкій, Нижегородскій, Козловскій, Борисоглѣбскій, Арзамасскій, Кишиневскій и Аккерманскій, высказался за необходимость созданія мелкой земской единицы въ видахъ приближенія земства къ населенію, и въ то же время другіе комитеты, какъ, на примѣръ, Темниковскій, Новомосковскій, Горбатовскій и Черниговскій, для той же цѣли признали желательнымъ переустройство земскаго представительства на началахъ безсословности ***). Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые комитеты сочли нужнымъ указать на желательность вообще большей самостоятельности земскихъ учреждений и большей внимательности къ ихъ голосу. „Если—говорится по этому поводу въ принятой Рузскимъ комитетомъ запискѣ предсѣдателя мѣстной управы, г. Цыбульскаго,—законъ возлагаетъ на земскія учрежденія главнымъ образомъ попеченіе о народномъ благосостояніи и о развитіи мѣстной сельскохозяйственной жизни, то, естественно,—та самостоятельность, которая признается главной основой сельскохозяйственной промышленности, найдетъ лучшее свое проявленіе въ расширеніи правъ земства... Та централизація власти, то недовѣріе правительства къ обществу, то усиленіе административной опеки надъ крестьян-

*) «Нижег. Листокъ», 25 авг. и 16 сент.; «Спб. Вѣдомости», 16 и 26 сент.; «Р. Вѣд.», 10 сент. 1902 г.

**) «Спб. Вѣд.», 26 сент. и 6 авг.; «Р. Вѣд.», 10 сент. 1902.

***) «Р. Вѣд.», 20 авг., 4 и 10 сент.; «Спб. Вѣд.», 26 сент.; «Нижег. Лист.», 2 сент.; «Од. Нов.», 21 и 27 сент.; «Р. Вѣд.», 8 авг. и 10 сент.; «Спб. Вѣд.», 23 и 24 сент. 1902 г.

скимъ населеніемъ, которыя выразились въ рядѣ законовъ, 1 данныхъ со второй половины 80-хъ годовъ, служатъ главнымъ препятствіемъ къ развитію самостоятельности въ области селскаго хозяйства и къ поднятію его производительности“. Сосвѣтственно этому Рузскій комитетъ и нѣкоторые другіе, какъ Бузулукскій, Темниковскій, Черниговскій, Грязовецкій, Суджаскій и Богородицкій, настаивая на необходимости большей самостоятельности земства, вмѣстѣ съ тѣмъ постановили ходатайствовать о привлеченіи земскихъ учрежденій къ участию въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ селскаго хозяйства, либо о передачѣ заключеній этого совѣщанія на обсужденіе земскихъ собраній *).

Третью группу общихъ и неотложныхъ нуждъ селскаго хозяйства, указанныхъ уѣздными комитетами, составляютъ собственно хозяйственныя нужды, стоящія въ зависимости отъ финансовой и экономической политики государства. Почти во всѣхъ комитетахъ, обсуждавшихъ эти вопросы, лежащіе на крестьянствѣ земельные платежи признаны чрезмѣрно тяжелыми и не соответствующими ни дѣйствительной доходности земли, ни платежнымъ силамъ названнаго класса. Равнымъ образомъ, по мнѣнію большинства комитетовъ, и вся современная податная система, основанная на перенесеніи главнаго налогового бремени, путемъ косвеннаго обложенія, на плечи менѣе состоятельныхъ классовъ, и экономическая политика, направленная по преимуществу къ покровительству крупной промышленности, стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ интересами селскаго хозяйства и создаютъ тяжелое разстройство послѣдняго. Въ соответствии съ этимъ многіе комитеты выразили пожеланія полной отмены или, по крайней мѣрѣ, серьезнаго пониженія выкупныхъ платежей, перехода отъ системы косвеннаго обложенія къ прогрессивному подоходному налогу и ослабленія таможеннаго покровительства обрабатывающей промышленности, особенно въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя служатъ непосредственно нуждамъ селскаго хозяйства. Помимо этого отдѣльными комитетами были выражены и еще нѣкоторые пожеланія. Такъ, Борисоглѣбскій комитетъ указалъ на желательность принятія на счетъ государственнаго казначейства земскихъ и волостныхъ расходовъ, носящихъ общегосударственный характеръ. Съ другой стороны, въ Смоленскомъ уѣздномъ комитетѣ было высказано пожеланіе, чтобы представителямъ населенія было предоставлено участіе въ обсужденіи нуждъ финансоваго хозяйства страны **).

Сравнительно уже меньшее число комитетовъ подошло еще

*) «Р. Вѣдомости», 23 авг.; «Нижег. Лист.», 22 сент.; «Р. Вѣд.», 8 авг.; «Спб. Вѣд.», 24 сент.; «Р. Вѣд.», 20 авг. и 23 сент.; «Спб. Вѣд.», 23 сент. 1902 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 11 и 7 сент. 1902 г.

ближе къ матеріальнымъ нуждамъ крестьянства и, въ частности, къ тому наболѣвшему мѣсту современной русской деревни, какое представляетъ собою аграрный вопросъ. Недостаточное вниманіе комитетовъ къ этой сторонѣ дѣла, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ ихъ составѣ далеко не вездѣ находились крестьяне и даже тамъ, гдѣ председатели признали полезнымъ присутствіе крестьянъ, послѣдніе не всегда были приглашены въ достаточномъ количествѣ. Надо думать, именно это отсутствіе крестьянъ и невниманіе къ ихъ голосу создали въ нѣкоторыхъ комитетахъ уродливую постановку вопроса объ общинѣ, объявленной чуть ли не главной причиной безправнаго положенія крестьянства. При отсутствіи крестьянъ не могъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ получить надлежащей постановки и вопросъ о земельной нуждѣ, тяготящей въ настоящее время надъ громадною частью крестьянства. Но въ нѣкоторыхъ комитетахъ этотъ вопросъ былъ все же поставленъ и были даже проектированы извѣстныя мѣры для болѣе или менѣе правильнаго разрѣшенія его. Председатель Таврической губернской земской управы включилъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ въ примѣрную программу для докладовъ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ, разосланную имъ уѣзднымъ управамъ губерніи *). Поставленъ этотъ вопросъ и въ Кишиневскомъ, Бузулукскомъ и Новгородскомъ уѣздныхъ комитетахъ. Въ Тамбовскомъ комитетѣ признано желательнымъ, въ видахъ уменьшенія малоземелья, надѣлить крестьянъ, получившихъ при освобожденіи дарственные надѣлы, земель, въ размѣрѣ полнаго надѣла, изъ казенныхъ оброчныхъ статей Тамбовской губерніи, а тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ неполные надѣлы, изъ казенныхъ земель восточныхъ губерній, смежныхъ съ Тамбовской **). Балашовскій уѣздный комитетъ въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій призналъ, что въ интересахъ поднятія сельскаго хозяйства „первой неотложной необходимостью является расширеніе крестьянскаго землепользованія, такъ какъ масса земледѣльческаго населенія страны изъ года въ годъ подвергается все большому обѣднѣнію благодаря недостатку въ землѣ“. Равнымъ образомъ и въ Грязовецкомъ уѣздѣ главною нуждою сельско-хозяйственной промышленности было признано крайнее безземелье крестьянскаго населенія, и мѣстный комитетъ нашелъ желательнымъ предоставленіе крестьянамъ возможности на льготныхъ условіяхъ получить достаточное количество земли изъ земель казны. Аналогичное постановленіе было принято и въ Пермскомъ уѣздномъ комитетѣ. Елифанскій (Тульской губ.) и Новомосковскій (Екатеринославской губ.) уѣздные комитеты, также отмѣчая фактъ кре-

*) «Од. Новости», 19 авг. 1902 г.

**) «Од. Нов.», 21 сент.; «Нижег. Листокъ», 22 сент. и 9 авг. 1902 г.

стьянскаго малоземелья, полагали противодѣйствовать ему путемъ облегченія крестьянской аренды на частновладѣльческихъ земляхъ, облегченія покупки земель черезъ Крестьянскій банкъ, лучшаго устройства переселеній въ Сибирь и другихъ подобныхъ мѣръ *).

Но наиболѣе широко, повидимому, былъ поставленъ этотъ вопросъ г. Цыбульскимъ, докладъ котораго Рузскому комитету намъ не разъ уже приходилось цитировать въ предыдущемъ изложеніи. „Крестьяне, составляющіе $\frac{4}{5}$ всего населенія Европейской Россіи и производящіе $\frac{2}{3}$ всего хлѣба, собираемаго въ Россіи,—говорится, между прочимъ, въ этомъ докладѣ—не обезпечены землей въ достаточномъ количествѣ, чтобы могли выдержать безъ голодовокъ, изъ году въ годъ повторяющихся, то податное бремя, которое они несутъ. Малоземелье крестьянъ является настолько очевиднымъ, что не требуетъ особыхъ цифровыхъ доказательствъ: населеніе въ Россіи съ 1861 года увеличилось въ очень значительномъ размѣрѣ, такъ что тѣ земельныя нормы, которыя были признаны достаточными 40 лѣтъ тому назадъ, теперь врядъ-ли могутъ обезпечить крестьянамъ удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей, не говоря о платежахъ и повинностяхъ государственныхъ. Для примѣра приведемъ справку по отношенію къ Рузскому уѣзду. Надѣленіе земель крестьянъ уѣзда въ 1861 г. было сдѣлано, считая по $3\frac{1}{2}$ десятины на каждую ревизскую душу. Въ настоящее время, по даннымъ послѣдней переписи 1897 г., приходится на каждую наличную душу по 1,6 дес. Если принять, что 0,6 дес. находится подъ усадьбами, огородами и выгонами, то полевое хозяйство приходится вести на одной десятинѣ. Съ этимъ вопросомъ особенно близко знакомо земство и нерѣдко многія агрономическія начинанія, съ цѣлью поднятія продуктивности земли, разбиваются по той причинѣ, что „негдѣ“ проводить эти улучшенія. Можно ли серьезно говорить объ измѣненіи системы полеводства съ переходомъ отъ традиціоннаго трехполья къ многопольнымъ сѣвооборотамъ, если всю систему приходится вводить на одной десятинѣ? Финансовая политика въ Россіи должна придти на помощь тому населенію, на которомъ лежитъ главная тяжесть податного бремени. Въ этихъ цѣляхъ является безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа. Эту задачу могъ бы выполнить Крестьянскій банкъ, обороты котораго, по даннымъ послѣднихъ отчетовъ, достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Желательнымъ является также пониженіе процентовъ въ платежахъ при выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку земель. Крайне полезно было бы, чтобы нормы дополнительныхъ надѣловъ, предварительно ихъ утвержденія въ законодательномъ

*) «Р. Вѣдомости», 16 и 20 авг.; «СПБ. Вѣдомости», 19 сент.; «Р. Вѣд.», 10 сент. 1902 г.

порядкѣ, передавались на заключеніе земскихъ собраній, такъ какъ лишь земства, близко стоя къ населенію, являясь естественнымъ его представителемъ, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточную экономическую организацію въ лицѣ своихъ сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ, статистическихъ бюро и пр., могутъ дать болѣе справедливый отвѣтъ на поставленный вопросъ“ *).

По первоначальному газетному сообщенію, докладъ г. Цыбульскаго былъ принятъ Русскимъ комитетомъ въ полномъ объемѣ. Затѣмъ, однако, въ газетахъ появилась дополнительная замѣтка, сообщавшая, что съ мыслью г. Цыбульскаго объ обязательной нарѣзкѣ крестьянамъ земли путемъ государственнаго выкупа „Русскій комитетъ не согласился и единогласно отвергъ ее, находя, что вопросъ о способѣ устраненія крестьянскаго малоземелья есть вопросъ, подлежащій компетенціи высшихъ правительственныхъ учреждений“ **). Судя по тому, что эта поправка не вызвала никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій, ее приходится считать съ фактической стороны вѣрной. Но мотивировку постановленія комитета, данную въ этой замѣткѣ, довольно трудно считать удачной. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и всѣ другіе вопросы, возбуждавшіеся въ комитетѣ, подлежатъ компетенціи высшихъ правительственныхъ учреждений, что нисколько не препятствовало обсужденію этихъ вопросовъ входить и въ компетенцію комитета. Остается предполагать, что приведенное постановленіе объясняется не столько границами компетенціи комитета, сколько его землевладѣльческимъ составомъ. Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ отмѣтить, что та же мысль, какая была положена въ основу процитированной части доклада г. Цыбульскаго, предложена и непосредственно вниманію особаго совѣщанія однимъ изъ землевладѣльцевъ Боровскаго уѣзда, г. Недоховскимъ. „Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія—говоритъ этотъ послѣдній въ своей запискѣ, представленной въ особое совѣщаніе и напечатанной въ „Вѣстникѣ Финансовъ“,—не можетъ встрѣтить на пути къ своему осуществленію болѣшихъ затрудненій, чѣмъ тѣ, которыя имѣлись предъ 19 февраля 1861 г. и которыя благополучно устранены. Теперь это будетъ гораздо легче. Всѣ уже привыкли къ экспроприаціямъ недвижимой собственности на нужды государственныя и общественныя“.

На этомъ мы и остановимъ перечисленіе важнѣйшихъ указаній, данныхъ мѣстными комитетами относительно наиболѣе неотложныхъ нуждъ сельскаго хозяйства. За исключеніемъ нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, въ этихъ указаніяхъ, какъ видитъ читатель, нѣтъ ничего совершенно новаго. Въ нашей литературѣ и даже въ нашей общественной жизни не разъ дава-

*) «Р. Вѣд.», 23 авг. 1902 г.

**) «Р. Вѣд.», 24 авг. 1902 г.

лись и болѣе обстоятельныя и полныя указанія тѣхъ неудобствъ, какія проистекаютъ для народной жизни отъ недостаточнаго развитія образованія, отъ излишней административной опеки и отсутствія у населенія, особенно крестьянскаго, прочныхъ и ясныхъ правъ, отъ финансовой системы, возлагающей главную тяжесть обложенія на трудящіеся классы, и экономической политики, заставляющей русскаго потребителя съ ущербомъ для себя оплачивать создаваемые покровительствомъ промышленности барыши крупныхъ предпринимателей. Тѣмъ не менѣе далеко не безразличнымъ является засвидѣтельствованный совѣщаніями мѣстныхъ комитетовъ фактъ, что сознаніе этихъ неудобствъ проникло въ широкіе слои провинціального общества. Комитеты, конечно, не могли открыть какого-нибудь вполне новаго, никому еще до нихъ неизвѣстнаго секрета паденія сельскаго хозяйства, какъ не могли найти и чудодѣйственнаго способа разомъ поднять это хозяйство изъ современнаго его упадка. Но они могли выяснить и освѣтить направленіе общественнаго мнѣнія въ соприкасающихся съ названной областью вопросахъ и это они, несомнѣнно, до извѣстной степени сдѣлали. Можно только пожалѣть, что въ ихъ работахъ остался недостаточно глубоко разработаннымъ вопросъ объ экономическомъ положеніи крестьянства и что наряду съ этимъ уѣздные комитеты почти совершенно не выяснили того практическаго пути, на которомъ ихъ благія пожеланія могутъ обратиться въ дѣйствительность. Въ губернскихъ комитетахъ, въ которые теперь переходятъ работы уѣздныхъ и составъ которыхъ заранѣе опредѣленъ, восполненіе этихъ пробѣловъ едва-ли возможно. Но для такого восполненія есть другой путь—на земскихъ собраніяхъ предстоящей сессіи. Законъ предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ право ходатайства о хозяйственныхъ нуждахъ населенія и еще недавно въ словахъ, обращенныхъ Государемъ къ земскимъ представителямъ Курской губерніи, земству было подтверждено, что его „призваніе—мѣстное устройство въ области хозяйственныхъ нуждъ“. Остается пожелать, чтобы земскія собранія, сознавая всю важность настоящаго момента, энергично взялись за предстоящую имъ работу выясненія хозяйственныхъ нуждъ населенія и, воспользовавшись всѣмъ опытомъ, какой дала уже аналогичная работа сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заполнили тѣ пробѣлы, какіе оставила эта послѣдняя.

IV.

За послѣдній мѣсяцъ опубликовано нѣсколько правительственныхъ сообщеній и распоряженій. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

8 ноября въ „Правит. Вѣстникѣ“ было напечатано слѣдующее сообщеніе: „29-го іюля 1902 г., въ гор. Харьковѣ, на жизнь харьковскаго губернатора, шталмейстера князя Оболенскаго, было совершено покушеніе. Виновникъ его, крестьянинъ села Лазановки, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Оома Карнѣевъ Качуръ, какъ то установлено предварительнымъ слѣдствіемъ и признаніемъ обвиняемаго, покусился на это преступленіе по побужденіямъ политическаго свойства, въ виду чего дѣло о немъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи 17 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, было передано военному суду, для сужденія по законамъ военного времени. 26-го октября кіевскій военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ означенное дѣло, приговорилъ Оому Качура къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ сей, по надлежащей конфирмаціи, подлежалъ исполненію. Между тѣмъ, шталмейстеръ князь Оболенскій представилъ Его Императорскому Величеству Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ, ходатайствуя о помилованіи Качура, изложилъ: „мать моя, жена и двѣ дочери дерзаемъ молить Ваше Императорское Величество оказать человѣку этому милосердіе, даровавъ ему жизнь. Мы глубоко вѣруемъ, Государь, что одному Богу мы обязаны спасеніемъ моей жизни и горячо молимся Ему, чтобы эта явленная намъ милость Божія рукою Вашего Величества коснулась и самаго виновника. Горько было бы сознавать семьѣ моей, что ихъ сынъ, отецъ и мужъ явится косвенной причиною смерти другого“. Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было Всемиловитѣйше снизойти къ просьбѣ князя Оболенскаго и Высочайше повелѣть опредѣленную въ приговорѣ кіевскаго военно-окружнаго суда смертную казнь крестьянину Оомѣ Качуру замѣнить ссылкой въ каторжныя работы безъ срока“.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по сообщеніямъ газетъ, 28 октября „отдѣленіемъ московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, при закрытыхъ дверяхъ, началось слушаніемъ дѣло о крестьянинѣ П. А. Заломовѣ, 25 лѣтъ, мѣщанахъ А. И. и М. И. Быковыхъ, 22 и 24 лѣтъ, горнозаводскомъ мастеровомъ Е. Гр. Наумовѣ, 25 л., кр. П. Д. Дружкинѣ, 25 л., кр. Н. В. Фроловѣ, 28 л., кр. А. П. Ляпинѣ (Буренкинѣ), 26 л., горнозав. маст. М. И. Самылинѣ, 24 л., горноз. маст. Н. Ф. Сутягинѣ, 19 л., кр. И. Д. Шибаевѣ, 24 л., кр. А. П. Барановѣ, 17 л., кр. М. Е. Богатыревѣ, 27 л., кр. В. Н. Солдатовѣ, 29 л., и кр. Я. С. Полозовѣ, 25 л., обвиняемыхъ по 252 ст. улож. о наказ. Всѣ обвиняемые—сормовскіе рабочіе“. 30-го же октября въ Нижнемъ въ засѣданіи судебной палаты съ сословными представите-

лями должно было начаться слушаніемъ „дѣло о пот. двор. С. И. Моисеевѣ, 22 лѣтъ, ковенскомъ мѣщанинѣ В. М. Лубоцкомъ, 19 л., вр. Г. Е. Михайловѣ, 21 года, дочери священника Н. В. Синевой, 22 л., пот. поч. гражд. А. И. Доброхотовой, 23 л., пот. поч. гражд. К. Н. Дертевѣ, 23 л., двор. Т. А. Лѣниновой, 24 л., пот. поч. гражд. М. А. Георгіевскомъ, 23 л., и дочери купца А. Н. Кисловой, 23 л., обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 252 и 252¹ ст. улож. о наказ.“ *).

Дѣло объ уличныхъ безпорядкахъ въ г. Батумѣ, назначенное было къ слушанію 25 октября, отложено, по словамъ „Бакннскихъ Извѣстій“, до будущей сессіи за неявкой нѣкоторыхъ подсудимыхъ и свидѣтелей **).

Въ „Правит. Вѣстникѣ“ опубликованъ слѣдующій высочайшій приказъ по военному вѣдомству, данный 14 октября въ Ливадіи: „Командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ, числящійся по гвардейской кавалеріи генералъ-лейтенантъ, его императорское высочество великій князь Павелъ Александровичъ исключается изъ службы“.

7 ноября состоялся Именной Высочайшій указъ на имя Правительствующаго Сената слѣдующаго содержанія:

„Въ постоянномъ попеченіи объ упорядоченіи правительственнаго завѣдыванія торговымъ мореплаваніемъ и портами, Нами учреждены были при министерствѣ финансовъ совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, отдѣлъ торговаго мореплаванія и комитетъ по портовымъ дѣламъ.

„Признавая нынѣ за благо дѣла торговаго мореплаванія и портовъ сосредоточить въ самостоятельномъ учрежденіи въ ряду государственныхъ установленій, повелѣваемъ:

„1) Совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, комитетъ по портовымъ дѣламъ и отдѣлъ торговаго мореплаванія, со всѣми подвѣдомственными имъ учрежденіями, а равно управленіе строительныхъ и ремонтныхъ, для торговыхъ судовъ, заведеній выдѣлить изъ состава министерства финансовъ и предоставить вѣдѣнію особаго главнаго управленія торговаго мореплаванія и портовъ, подчинивъ оное главноуправляющему, облеченному правами, въ статьѣ 159 учр. мин. (св. зак., т. I, изд. 1892 г.) указанными.

„2) Присвоить главноуправляющему права и обязанности, принадлежащія нынѣ: по части торговаго мореплаванія и портовъ—министру финансовъ, а по части технической въ портахъ—министру путей сообщенія

*) «Нижегор. Листокъ», 29 и 26 окт. 1902 г.

**) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 6 ноября 1902 г.

„и 3) Главноуправляющему озаботиться внесениемъ въ установленномъ порядкѣ на Наше утверждение проекта учрежденія и штата подвѣдомственнаго ему главнаго управленія, а также предположеній о тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ о торговомъ мореплаваніи и портахъ, которыя вызываются новымъ порядкомъ управленія оными.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе“.

Того же числа данъ Правительствующему Сенату и другой Высочайшій указъ такого содержанія: „Предсѣдателю совѣта по дѣламъ торговаго мореплаванія, Его Императорскому Высочеству великому князю Александру Михайловичу Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами“.

В. Мякотинъ.

Письмо въ редакцію.

При октябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ было разослано объявленіе объ изданіи въ 1903 г. журнала „Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія“, причемъ, въ числѣ сотрудниковъ этого журнала, былъ названъ, между прочимъ, В. А. Мякотинъ. Въ настоящее время В. А. Мякотинъ проситъ редакцію „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія“ заявить, что онъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не находитъ возможнымъ принимать участіе въ этомъ журналѣ.

Редакторъ Вѣстника и Библіотеки Самообразованія

Профессоръ П. Броуновъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На устройство школы имени Гл. И. Успенскаго въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ „Группы студентовъ Рижскаго Политехническаго Института“	7 р. — к.
„ студентовъ Юрьевскаго университета и Института Владиміръцевъ	4 „ 65 „
„ Ш. И. Шелова изъ Иркутска	5 „ — „
„ А. И. Успенской, Турьинскіе рудники	10 „ — „

Итого 26 р. 65 к.

А всего съ прежде поступившими 868 р. 15 к.